Марина Ефиминюк

Любовь к драконам обязательна

Марина Ефиминюк

Любовь к драконам обязательна

«Автор»

2023

Ефиминюк М. В.

Любовь к драконам обязательна / М. В. Ефиминюк — «Автор», 2023

Я ненавижу Таннера ди Элроя! Он напыщенный, невыносимый, циничный сноб! А еще он мой шеф и ругаться с ним — чревато. Не стоит терять его ручного дракона, портить пиджак и поливать любимый кактус клюквенным морсом. Но главное, ни в коем случае нельзя с ним целоваться! Тогда не придется думать, как выпутаться из этого… служебного недоразумения. Одного не понимаю: почему я никогда не следую собственным советам?

© Ефиминюк М. В., 2023
© Автор, 2023

Содержание

ПРОЛОГ 5
ГЛАВА 1. Продавец чистой радости 8
ГЛАВА 2. Личный стажер тирана 21
ГЛАВА 3. Миссия невыполнима 33
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Марина Ефиминюк
Любовь к драконам обязательна

ПРОЛОГ

– Господа, сегодня вам необычайно повезло! В этом году открыта не одна, а целых две вакансии стажеров! – объявила дама средних лет с мелкими кудельками на подкрашенных басмой волосах. – И главное! Собеседование проведет лично господин ди Элрой!

Народ в коридоре возбужденно зашептался. Ужасно хотелось спросить, кто такой этот Элрой с приставкой «ди», говорившей о высоком происхождении, если одно упоминание его имени ввело в душеный трепет даже выпускников Королевской Академии. Я постеснялась показаться невеждой и уменьшить шанс на получение места. Украдкой вытащила из ридикюля сложенную газету и пробежала глазами по колонке: «Ищем сотрудников». —

Торговый дом назывался «Драконы Элроя», и вряд ли в этом переполненном коридоре кто-то еще не знал, что пресловутый ди Элрой – владелец и коридора, и всего здания, и даже стула, на котором я сидела. Впрочем, сомневаюсь, что конкуренты на вакантное место узнали о конкурсе полчаса назад из газетного объявления, когда возвращались с треском проваленного собеседования в конторе судебных заступников. Пятидесятого по счету.

Между прочим, я окончила законоведческое отделение. Правда, в Институте благородных девиц. Но все равно неплохо разбиралась в бракоразводных процессах и правах женщин в браке. Ну и еще умела кое-что по мелочи. Например, с завидной регулярностью вытаскивала из застенка матушку, державшую трактир. Она попадала в тюремную башню за попрание винного закона.

Соседка слева достала из ридикюля зеркальце, баночку с краской алого цвета и принялась кисточкой мазюкать по губам, превращая вполне нормальный рот в яркое пятно.

– Разве вы не знаете, что Таннер ди Элрой умопомрачительно красив? – с презрением фыркнула она, поймав через зеркальце мой недоуменный взгляд.

– А еще, говорят, он ценит профессионализм, – индифферентно заметил сосед справа, намекая, что алые губы с интеллектом никак не связаны. На самом деле, подозреваю, он был активно недоволен тем, что конкурентка могла выиграть несколько баллов за счет броского мазка, пусть мазок и походил на кляксу. Сам-то бедняга был полным лысеющим клерком, которому точно не стоило красить губы.

Я почти собралась выяснить, чем торговал тандем Таннера ди Элроя и дракона, но не успела открыть рта, как «кудельковая» дама снова появилась в коридоре, а потом объявила:

– Когда услышите свое имя, пожалуйста, проходите в кабинет. – Она указала на дверь, из которой только что вышла. – С вами будет беседовать господин ди Элрой.

Полный коридор соискателей непрозрачно намекал, что ждать придется долго. Можно даже почитать любовный романчик, если прикрыть книжку ридикюлем, но очередь начала неожиданно быстро редеть. Люди заходили в кабинет и выходили оттуда, не пробыв и нескольких минут. Кто-то вылетал арбалетным болтом, другие выползали с серыми лицами, будто при смерти. Соседка с накрашенными губами выскочила, как пробка из бутылки, оглядела настороженных соискателей и разрыдалась.

– Тереза Амэт! – позвала меня дама.

– Здесь!

Чуть не уронив с коленей сумку, я вытянулась в струнку, точно перенеслась на семинар по семейному праву у наставницы Ру (скучнейший предмет, между прочим).

– Проходите, – велели мне.

– Благодарю.

В кабинет я впорхнула с особой доброжелательной улыбкой, вбиваемой в слушательниц Института благородных девиц едва ли не с первого дня учебы. Почему-то считалось, что кротость нравилась будущим нанимателям, которые чуточку позже всенепременно были обязаны стать нашими супругами.

Мужчина, сидевший за большим столом, оказался действительно хорош собой. Красиво подстриженные темные волосы, породистое лицо и синие глаза (в последнем была не очень-то уверена, зрение меня могло запросто обмануть). Он оторвался от изучения анкеты, которую я подала, когда записывалась на собеседование, и указал рукой на деревянный стул, стоявший посреди комнаты.

– Присаживайтесь.

Стуча каблуками, я прошла и с прямой, как доска, спиной, опустилась на самый кончик жесткого сиденья. Не специально, конечно, просто от волнения чуть мимо не махнула. Со своего места я видела под столом решетчатую мусорную корзину, полную безжалостно выброшенных анкет.

– Итак, госпожа Амэт, – Таннер нанизал меня на пронзительный взгляд. – Почему вы хотите служить в «Драконы Элроя».

Потому что отчаянно не желаю работать в матушкином трактире многопрофильным специалистом «три в одном»: счетоводом, судебным заступником и подавальщицей. Клянусь, я вовсе не брезгую разносить вино, просто хозяйка – скупердяйка и считает, будто родственники обязаны трудиться за еду.

Но, конечно, о прозе жизни я промолчала и неторопливо изложила доводы, уже один раз перечисленные в конторе судебных заступников. Ладно, кому я вру? Один из пятидесяти раз. Но если бы наставница Ру, вечно шпынявшая меня за стрекот, услышала плавную речь, прослезилась бы от гордости.

– Что вы думаете о ручных драконах? – спросил Элрой.

– Они удивительные создания, требующие особенного ухода, – выдала я строчку из прочитанной с утра газетной статьи и без зазрения совести соврала: – У меня богатый опыт в усмирении расшалившихся драконов.

– Хорошо. – Он отложил мою анкету. – На что вы готовы пойти ради должности в «Драконы Элроя»?

– Практически на все, – чистосердечно призналась я.

Если выпускница Института благородных девиц успела провалить не меньше пятидесяти собеседований, и ей грозила бесплатная работа в питейном заведении, то она готова почти на все, кроме убийства и голодовки.

– В таком случае прямо сейчас… поиграйте с моим драконом! – приказал он и указал кончиком чернильной ручки в направлении своих штанов. Не зря наставница Ру утверждала, что я получу приличное место только через постель. Накаркала старая ворона!

Я настолько опешила, что даже голос прозвучал ровно, ни капли возмущения:

– С вашим драконом?

– Именно с ним, – невозмутимо подтвердил развратник, а с первого взгляда приличным человеком выглядел.

– Прямо здесь?

– Вас что-то смущает?

Позвольте поправку. Ради работы благородная девица будет готова почти на все, кроме убийства, голодовки и того, что прямо сейчас предлагали сделать мне. Воспитание не позволяло.

– Вовсе нет, – очередной раз соврала я, примеряясь, стоит ли ридикюль швырнуть ему в физиономию или для надежности просто подойти и огреть по башке.

Вдруг лицо Таннера ди Элроя осветилось улыбкой, сделавшей его дьявольски привлекательным. Такая улыбка даже монашку способна ввести в греховные мысли.

– Поздравляю, госпожа Амэт! – вымолвил он. – Вы только что прошли проверку на готовность отдаваться делу всей душой и получили должность стажера в отделе продаж «Драконы Элроя». Уверен, что с таким энтузиазмом уже через год вам не будет равных в продаже кормов для ручных драконов!

– То есть играть с вашим… кхм… ручным драконом уже не надо? – насторожилась я.

– Я бы с радостью, но Ральф остался дома.

Эм? То, что он дал своему мужскому достоинству имя, я еще могу понять. Но… как он оставляет *Его* дома? Простите за анатомическую подробность, *отстегивает*?!

– Насколько я понимаю, вы тоже держите дракона? – уточнил хозяин конторы.

– Я? – поперхнулась я, и тут до меня дошло, что мы говорим о тех самых выведенных в неволе ручных ящерах, которых стало популярным содержать в домах вместо кошек и собак. Хотя как страхолюдинка, вылупившаяся из яйца и отрыгивающая пламенем, была способна заменить мягкий мурчащий комок, для меня оставалось загадкой. В него даже носом не уткнешься и толком не потискаешь, тут же полруки оттяпает.

– Так вот, госпожа Амэт, – будущий шеф окинул меня быстрым взглядом. – Даже если дракон от скуки сгрызет всю обивку в вашей спальне и сожжет половину кухни, в контору домашнего питомца приводить запрещается!

– Запрещается… – слабым эхом повторила я.

Святые угодники, куда я попала?!

ГЛАВА 1. Продавец чистой радости

В комнате переговоров было нечеловечески душно. Меня безбожно клонило в сон, а докладчик все говорил и говорил. Сыпал непонятными фразами, что-то объяснял, жестикулируя по-женски ухоженными руками. По идее бесконечная речь была обращена к представителю «Драконы Элроя», приехавшему утром из столицы, то есть ко мне, но смотрел управляющий Торгового дома исключительно на своего начальника, словно искал у председателя поддержку и одобрение.

На коленях того дремал ручной дракон. На совещании толку от ящера явно было больше, чем от меня. Краснoперая хохлатка с подрезанными крыльями, по крайней мере, выступала в роли живого аксессуара, сочетавшегося по цвету с алым галстуком хозяина. Я со своими очками, похожими на стрекозьи глаза, даже не могла украсить местный интерьер. Чтобы никто не сомневался, что «Драконы Элроя» прислали не какого-то там стажера (именно его), а доку в торговле кормами для драконов, я чиркнула в рабочем блокноте несколько фраз.

Каждый стажер, задержавшийся на низшей должности, знал, что сделать пометки с умным видом – настоящее искусство. Например, сосед справа строчил протокол совещания с таким усердием, что в разные стороны разлетались чернильные брызги, и я точно проигрывала на фоне этой бешеной белки. Пришлось с умным видом фразы обвести, сделав пожирнее, а потом заключить в облачка.

И пририсовать дождик, как на улице Ватерхолла.

И скукоженнную рожицу.

И написать ругательство, характеризовавшее моего шефа Тома Потса, как плохого человека, отправившего стажера на нуднейшее совещание в выходной день.

Другими словами, ничего не предвещало беды, и вдруг велеречивый докладчик указал рукой на фунтовый мешок корма «Вкусная жизнь». Мешок живописно стоял перед председателем и не вызывал у его ручного дракона никакого гастрономического интереса, хотя запах сухого пайка пропитал воздух переговорной комнаты.

– Продукция наших партнеров «Драконы Элроя» не соответствует нашему новому вектору в торговле, – прозвучало подлое заявление. – Наступило время идти разными путями. Поэтому мы обдумали, взвесили и приняли предварительное решение разорвать пятилетний договор поставок.

Что?

У меня глаза полезли на лоб, и докладчик тут же поспешил подсластить горькую пилюлю:

– Естественно, в следующем месяце мы приедем с ответным визитом, обсудим вопрос лично с господином ди Элроем.

Мне конец! И ведь чувствовала неладное, когда эта… принимающая сторона начала бесконечной вереницей набиваться в переговорную комнату и наводить духоту. Думала, всей конторой решили поприветствовать столичную гостью, но они просто хотели проследить, как мне дадут под зад коленом.

Да чтоб их! Еще не дали, а зад уже горел!

И ведь начальник Потс уверял, будто в Ватерхолле «давно все схвачено». Простой визит вежливости! Главное, мило улыбаться, внимательно слушать и кивать в нужных местах. Он так не хотел сам лететь в субботнюю командировку, что даже прозрачно намекнул мне о повышении. Ха-ха три раза! Похоже, в понедельник я стану единственным уволенным служащим в «Драконы Элроя», просидевшим в стажерах больше года! Какой позор!

– На этом считаю совещание закрытым, – объявил докладчик.

– Постойте, – точно со стороны услышала я себя, – теперь позвольте высказаться мне.

Тереза, ты спятила?! Что ты собираешься им говорить?

– Что вы хотели сказать, госпожа Амэт? – растерялся управляющий.

Да откуда мне знать?!

С уверенной улыбкой я аккуратно закрыла блокнот, поправила очки и поднялась. Стуча каблуками по наборному паркету, прошла на место докладчика.

– Итак, господа, представляться не буду, – объявила я и замолчала, лихорадочно обдумывая речь.

Пауза затягивалась. Дракон на коленях председателя сонно зевнул. Сам председатель недвусмысленно покосился на настенный хронометр и зевнул следом за питомцем. Мой управляющий недоуменно улыбнулся, намекая, что никогда не слышал столь бесподобно исполненного молчания… и тоже зевнул. А я в панике пыталась выудить из памяти хотя бы парочку умных слов, но чего в голове не было, того не было. Сколько ни копайся. Зато имелась звенящая пустота, как в отскобленном от нагара медном котелке.

Взгляд упал на мешок корма, и я бросилась к «Вкусной жизни», как утопающий – к спасательному кругу. Схватила со стола и повернула названием к слушателям. Под пальцами перекатывались мелкие комочки. Будь я ручным драконом, тоже не стала бы реагировать на сухой паек, ела бы только парную телятину. Проклятье, драконов нельзя кормить сырым мясом…

– Всем нам известно, что ручных драконов ни в коем случае нельзя кормить сырым мясом, иначе в наших любимых питомцах проснется древний инстинкт охотника! – выпалила я.

Плотину безмолвия прорвало, а в голове вспылили десятки рекламных объявлений, переписанных по сто раз за год стажировки:

– Питание дракона должно быть сбалансированным, содержать каменный уголь, гасящий воспламеняющиеся газы, клетчатку, белок. Но никакой крови!

Не буду скромничать, о питании драконов я знала если не все, то очень многое. В теории, естественно. На прошлой неделе раз двадцать переписывала статью в газету, но Потс все время находил небрежности. Как не запомнить наизусть? Но в конечный вариант все равно закралась ошибка. Совсем маленькая, а оштрафовали так, будто я не заметила матерное слово. Жлобы!

Я старалась говорить убедительно. Речь текла плавно, улыбки получались милыми. Постепенно мной завладел азарт. Дернув на горловине мешочка завязки, я зачерпнула пригоршню коричневатых комочков и, источая острый запах алхимического порошка «Аромат говядины», начала прохаживаться по комнате.

– Другими словами, каждый раз, когда ручной дракон ест «Вкусную жизнь» он становится здоровее! Почему, спросите вы? Потому в наш корм добавлены высококачественные алхимические эликсиры! Драконы – магические животные и испытывают слабость к продуктам чародейства. – В драматичном жесте я протянула кулак с сухими кормом под нос к председателю и срывающимся голосом вопросила: – Так почему вы не хотите заработать на этой слабости?

– Потому что с осени наш Торговый дом планирует продавать только натуральные товары, произведенные без алхимических ингредиентов. Никакой магии! У нас новый лозунг «Природе – да, чародейству – нет!», – терпеливо пояснил управляющий, хотя вопрос был сугубо риторическим и не подразумевал никаких ответов. – Я уже говорил об этом. В течение получаса!

Круто развернувшись на каблуках в сторону оппонента, я открыла рот, чтобы блеснуть каким-нибудь убийственным доводом, но в голову пришла нелепость:

– А вы проводили опрос у драконов?

Святые угодники, что я несу?!

– Что она несет? – едва слышно пробормотал кто-то из клерков.

– Счастье! – пронзительно выпалила я. – Я несу счастье ручным драконам всего королевства! И прямо сейчас ваш Торговый дом отказывается стать поставщиком чистой, ничем не замутненной радости!

– Но последние исследования доказали, что алхимические эликсиры, которые используют в сухих кормах, вызывают у драконов несварение и аллергические реакции, – со своего места подал голос «бешеная белка», честное слово, лучше бы он продолжал писать конспект.

– Что вы на это скажете? – вопросил он, сморщив нос.

То, что про слабость сказала, про счастье – сказала, даже про радость во всем королевстве не забыла, и теперь мне конец. Я точно вылечу со службы, если не смогу убедить хозяина Торгового дома не разрывать договор!

– Думаю, стоит доказать ошибочность вашего заявления, – нахально предложила я и приблизилась к председателю: – Позвольте?

Не дожидаясь разрешения, я подхватила с его коленей вялого, сонного дракона. Ящер оказался куда тяжелее, чем могло показаться. От неожиданного нападения он мигом проснулся, вытаращил желтые глазенки, и на секундочку вертикальные зрачки стали круглыми.

– Крохотулечка моя, – фальшиво засюсюкала я.

«Крохотулечка», весом в пятнадцать фунтов, раскрыл зубастую пасть, выставил хохолок и воинственно зашипел мне в лицо, выдохнув облачко зловонного дыма. Подозреваю, что его хозяин тоже был не против меня обшипеть.

Ловким движением я стиснула пухлое драконье тельце под мышкой и всыпала в открытую от возмущения пасть корм. Наверняка председательский дракон питался исключительно свежими овощами и перепелиными яйцами с рынка по три шиллинга за десяток, поэтому не сразу ощутил чистую, ничем не замутненную радость от поглощения хрустких комочков. Однако когда тебя зажимают под мышкой, как нагадившего паршивого кота, и категорично тыкают мордой в еду, приходится подчиняться и радоваться. Ящер проглотил ком и икнул, не иначе как от счастья.

Вдруг он так проникся вкусом «Аромат говядины», что требовательно ткнулся носом в мою ладонь, поскреб лапкой с подпиленными коготками (клянусь, у председательского ящера был сделан маникюр!) и слизнул остатки корма. Расправившись с пайком, дракон повел по воздуху носом, раздул ноздри и начал рваться в сторону стола, где скособочился открытый мешок «Вкусной жизни». Обжора нырнул в корм с головой, хвост встал торчком. Из мешка донеслось довольное причмокивание.

– Что и требовалось доказать! – с торжеством в голосе объявила я.

– А у него заворота кишок не случится? – зачарованно вымолвил председатель.

– Да нет, – покачала я головой, – не думаю…

Неожиданно дракон отвалился от мешка, уселся на попу и… начал покрываться зелеными пятнами. Всей переговорной комнатой мы с ужасом следили, как глаза у земноводного становятся очень несчастными, щеки надуваются, а живот распирает. Он икнул, открыл пасть и выдохнул поток пламени. Народ отпрянул от стола, боясь оказаться подпаленным. Горячим воздухом по кабинету разметало бумаги, вспыхнул мой блокнот, и «бешеная белка» отточенным движением, словно после службы втихаря подрабатывал пожарным, выплеснул на язычки пламени стакан воды.

– Поппи, – изумленно вымолвил председатель, – ты умеешь плеваться огнем?!

В ответ бедняга дракон, похожий на божью коровку в зеленый горошек, шумно расстался с кормом, наглядно доказав, что у неподготовленного существа от неконтролируемого приема чистой, ничем не замутненной радости непременно случалось несварение.

И наступила мертвая тишина.

Моя карьера продавца кормами для ручных драконов была обречена, и на горизонте отчетливо замаячил матушкин трактир с вывеской над дверью «Душевное питье». Понимая, что положение надо как-то спасать, с широкой улыбкой я попыталась подлизаться:

– Господин председатель, вы не планируете развод? Я отличный судебный заступник по бракоразводным процессам. Могу дать пару дельных советов…

***

Драконы жили на земле еще в те времена, когда рельсовый омнибус, запряженный лошадью, приняли бы за демоническое существо, а маги и крылатые феи правили миром. Но если последние двое практически исчезли, то древние ящеры благополучно здравствовали и поныне. Некоторые уникумы даже считали драконов божественными существами с высшим разумом, спустившимися с небес. Не знаю уж, были они порождением нашего мира или божественного, но в воздушном порту пахло, как в обычном деревенском коровнике. Гигантские ящеры с длинными шеями, огромными крыльями и усатыми туповатыми мордами, ожидая от погонщика приказа на взлет, жевали сено, будто мирные лошадки. В смысле, исключительно уродливые лошадки, взращенные на алхимических настойках.

Купив билет на ближайшего дракона до Аскорда, я направилась к нужному вагончику, привязанному на стропах к крылато-хвостатому гиганту. От страха подгибались колени, а к горлу подступала горечь. Не зря говорили, что рожденный ползать летать не может. Я относилась к тому типу людей, которые были рождены ползать, ходить и ездить исключительно по земле! Никак иначе!

Едва я уселась в мягкое кресло, как немедленно вытащила из ридикюля флакон со снотворной настойкой и сделала глоточек. Если сильно повезет, то усну еще на взлете, как по дороге Ватерхолл. Два раза проверив, надежно ли пристегнут ремень безопасности, я откинулась в кресле и закрыла глаза в ожидании дремы. Салон постепенно заполнялся людьми. Пассажиры нервничали, разговаривали. Сверху кто-то пытался вколотить в узкую полку для ручной клади портфель, и мне в нос утыкалась пола пиджака. С недовольством я приоткрыла один глаз, и мужчина пробормотал:

– Извините.

Но едва он утрамбовал багаж и хлопнул дверцами, как одна из створок раскрылась. Мне на голову грохнулся тяжеленный портфель, сбив с носа очки. От возмущения я вытаращилась, но уже ничего толком не увидела. Вместо лиц появились одни размытые пятна. Пришлось сильно сощуриться, чтобы прояснить обзор.

– Простите, госпожа! – спохватился опростоволосившийся пассажир, и в этот момент я даже не услышала, а скорее прочувствовала, как под его ботинком хрустнула хрупкая очочная оправа.

– Ой! – оторопел он.

– Это были мои очки? – крякнула я, немедленно осознав, что хуже день точно стать не мог. Разве что мы разобьемся над Саввинскими горами в трех часах лету от Аскорда.

– Они самые… – Мужчина вложил мне в руки остатки от жизненно необходимого аксессуара и, схватив портфель, самоустранился в конец салона.

Очки поломались надвое. Левая половинка напоминала монокль с поперечной трещиной на стекле, но при желании в него можно было смотреть одним глазом. Смиряясь с потерей, я сделала еще один глоточек сонного зелья.

– Разрешите? Мое место у окна, – произнес мужской голос над макушкой.

Я поджала ноги, чтобы пропустить соседа к окну. Он разместился, пристегнулся, случайно толкнул меня в локоть и коротко извинился. Тяжело вздохнув, я прихлебнула настойки, закрыла глаза и погрузилась в блаженную дрему.

Проснулась резко, оттого что вагончик страшно болтало. Жутко испугавшись, я сощурилась, потом приставила к глазу стеклышко. Салон трясся, и мне с трудом удалось рассмотреть,

что сосед был брюнетом неопределенного возраста (мной неопределенного из-за отсутствия нормальных очков), одетым в пиджак. Брюки, скорее всего, тоже имелись, но ускользнули из поля зрения.

– Мы падаем? – горячо зашептала я.

– Пока только взлетаем, – спокойно пояснил мужчина.

– Хорошо.

Я снова закрыла глаза и попыталась заснуть. Выдержала целых пятнадцать минут, а когда вагончик вздрогнул, то вцепилась в руку соседа, покоящуюся на подлокотнике между нашими креслами.

– Знаете, я очень боюсь летать. Можно я подержусь за вас? – попросила я и тут же поблагодарила, пока он не послал меня в… конец салона. – Спасибо. Вы очень хороший человек.

– Тогда, пожалуйста, не могли бы вы не ломать кости этому хорошему человеку? – попросил он. И тут до меня дошло, как крепко я стискивала его пальцы.

– Простите. У меня сильные руки. Видите? – Я сжала и разжала у него перед носом кулак.

Вчера перед командировкой покрасила ногти красным лаком, но еще по дороге в воздушный порт обнаружила, что один, на среднем пальце, облупился.

– Могу одной рукой унести четыре кружки эля. Раньше удерживала пять, но работа за конторским столом ослабляет. Кстати, я работаю в «Драконы Элроя» ведущим специалистом в отделе продаж. Слышали о такой? Очень известные мануфактуры по всему королевству. Как раз еду из командировки. Отличное вышло собрание. Меня потом накормили черной каракатицей.

– Смотрю, вам повезло выжить? – в голосе соседа просквозила ирония.

Тут нас еще разочек тряхануло. Народ испуганно вздохнул, а я зажмурилась – все равно без очков ничего толком не видела.

– Святые угодники, вы правы, как можно врать на пороге смерти?

– Мы не умираем, – заметил он.

– Вы, может, не умираете, а я очень даже! Не кормили меня никакой каракатицей!

– Замечу, вам повезло.

– Угу, меня вообще ничем не накормили! Жлобы! Как будто не понимали, что если назначить совещание на двенадцать утра, то из Аскорда человеку нужно вылететь в четыре ночи! Так и продержали голодную. И знаете, как прошло совещание?

– Боюсь предположить…

– Пар-ши-во!

Я вдруг почувствовала, что готова расплакаться, несмотря на принятую успокоительную настойку. Вытащив бутылочку, сделала еще один поспешный глоток, распространив на полсалона валерьяновый душок.

– Они объявили, что желают разорвать торговый договор, и я чуть не угробила их ручного дракона. Клянусь, совершенно случайно! Слушайте, может, неплохо, что мы погибнем? Тогда не придется объясняться с начальством.

– Мы не погибнем.

– Вы, может, нет, но у меня сегодня отвратительный день, так что я точно погибну в самом цвете лет!

Вдруг по небу прокатился раскат грома, и в металлическую коробку с окошками ударили яростные струи дождя. Дракон ухнул вниз. В салоне кто-то взвизгнул, прикрикнула проводница:

– Господа, сохраняйте спокойствие! Наши драконы приучены к полетам в сложных климатических условиях.

– Зато я не приучена! – едва слышно всхлипнула я, задыхаясь от чистой, ничем не замутненной паники. – Мне крышка! Как хорошо, что я уже не девственница! Было бы обидно умереть, не вкусив плотского греха. Хотя я так и не просекла, о чем весь сыр-бор.

Сосед поперхнулся.

Святые угодники, я это сказала вслух?!

И тут меня понесло. Абсолютно ничего не соображая от страха, я принялась исповедоваться человеку без лица, ведь перед смертью святое писание наказывало облегчать душу. Я всего-навсего следовала заветам предков – каялась в одном из страшных смертных грехов. Целый год я лгала семье о месте службы. С таким грехом к святым угодникам не попадешь ни за одну взятку!

– Скажите, вы читали «Золушку» – это новый романчик вышел всего пару лет назад? Написала Шарли Пьетро.

– Кхм?

– Не вспоминайте, я вам расскажу. Там девицу изводила злая мачеха и две сестры, а безвольный отец кутил в трактире. Так вот, я очень похожа на эту самую Золушку только наоборот. Меня абсолютно все любят! Понимаете? Мачеха, сводные сестры, отец – они все во мне души не чают. Считают, что я многого добьюсь. А я даже не в состоянии получить повышение, больше года в стажерах сижу. Знаете, как тягостно не оправдывать чужие ожидания? Чтобы их не разочаровывать, я наврала, будто наша контора занимается судебными разбирательствами, а не продает корм для драконов. Такой позор!

И снова рванул оглушительный гром. Сердце от страха подскочило к самому горлу. Не дожидаясь очередного приступа, сосед попытался меня успокоить:

– Поверьте, мы выживем! У заклинателя все под контролем.

– Да, но ваш голос прозвучал неуверенно…

Наконец, выпитая настойка дала о себе знать. Вместо того чтобы разразиться очередным потоком признаний, я просто широко зевнула и секундой позже вырубилась, как разряженный магический светильник…

– Тесса! Тереза, вставай! – Кто-то тряс меня за плечо, пытаясь разбудить. С трудом разлепленные веки тут же сомкнулись обратно. Я снова понеслась на теплых волнах в приятный сон, в котором меня на руках заносил в родительский дом красивый мужик, вкусно пахнущий терпким мужским благовонием. Я с наслаждением потерлась лбом о его плечо…

– Тереза, вставай же ты! Маму с папой забирают! – прикрикнула Арона, младшая из сводных сестер. К слову, старшую звали Эзрой. Их отец очень хотел мальчиков, и в отместку Святым угодникам, никак не угодившим заскорузлому генералу, дал мужские имена.

– Куда? – Я принялась нащупывать на прикроватном столике очки. Нашла, нацепила на нос, и мир приобрел четкость.

– В Башню. Стражи нашли папин самогонный аппарат.

– Ох, ты ж! – пробормотала я, кувыркнувшись с кровати прямехонько на пол, потому как измятое, словно бумажный ком, платье оплело ноги. Хорошо, что я была уже одета, только туфли осталось натянуть.

– Не отставай! – скомандовала Арона, когда мы выкатились на улицу. Притом сестрица, широкая в кости, низкая ростом и богатая формами, казалось, действительно катилась, а я хромала. Уже за порогом дома выяснилось, что из торопливости я натянула одну уличную туфлю с высоким каблуком, а другую домашнюю на плоской подошве.

Где-то на середине дороги в голову пришел закономерный вопрос: а как я оказалась в своей постели, если только-только погибала над Саввинскими горами в воздушном дилижансе? Подспудную мысль, что мы все-таки разбились, и теперь бег по улицам в двух разных туфлях мерещился в агонии, пришлось подавить в корне. Она была не очень-то здоровой.

– Арона! – позвала я сестрицу, скакавшую по брусчатке, как горная лань. – А как я вчера домой попала?

– Тебя мужик принес! Сказал, что вы вместе летели.

– Му-мужик? – Я даже остановилась на пешеходной мостовой.

– Ага. Представительный такой. Только худенький больно. Вот так плюнешь, он и улетит. – Взмокшая от бега сестрица притормозила и, приложив к боку ладонь, перевела дыхание.

– Вы же в него не плевали? – насторожилась я, с ужасом представляя, как мое семейство встретило соседа по несчастью.

Какой оказался приличный мужчина! Девушку выслушал, да еще домой отбортовал… отгрузил… доставил. В общем, вы поняли. Но с любимых родственников станется и плюнуть, и пинка дать, и на венчание потащить, раз посмел девицу через порог отеческого дома на закорках приволочь.

– Матушка на радостях решила, что ты наврала про командировку. Откуда ему наш адрес знать? Сказал, что у тебя в блокноте нашел и карточку свою оставил.

– А где карточка?

– У матушки. Побежали быстрее, а то придется ее из Башни вытаскивать! Она после Башни неделю зверем ходит.

Тут взгляд упал на витрину за спиной сестры. Из отражения на меня таращилось всклокоченное, пучеглазое чучело с торчащей над головой, словно один упрямый рог, прядью, и в платье, точно пережеванном гигантским драконом. А туфли! Мало что из разных пар, так еще и разных цветов.

– Святые угодники! – вздрогнула я.

Подковыляв к витрине, вытащила из кармана носовой платок, послюнявила и попыталась два обведенных черной краской шара превратить в нормальные глаза. Потом поплевала на пальцы и вернула на место оттопыренную прядь, то есть прилепила к спутанному колтуну, а когда вихор снова вздыбился, то без слов сорвала у сестрицы розовый ободок с красным бантиком.

– Ты чего? – хрюкнула Арона.

– Мне нужнее! Иначе за блудницу примут! – процедила я сквозь зубы, водружая ободок на голову и придавливая упрямый вихор.

– Не примут, – убежденно возразила сестра. – Блудницы не бывают хромоногими.

Мы с ней встретились глазами в оконном отражении. Вообще, Арона страдала несвоевременными приступами честностями. Наверное, поэтому из трех заключенных брачных договоров все три были расторгнуты еще до свадьбы.

– Что? – развела она руками. – Ты без красивостей похожа на судебного заступника. Они вечно по утрам в трактир приходят зеленые и помятые.

Тут я заметила, что из глубины лавки на нас с любопытством таращились покупатели, а маленькая девочка тыкала пальцем и громко плакала. Я отшатнулась от витрины и, дернув сестру за рукав, мол, бежим спасать семейство, похромала к рыночной площади.

Перед «Душевным питьем» стояла черная карета городских стражей, а на доске для меню мелом было выведено «Закрыто из-за непреодолимых обстоятельств». Когда мы с сестрой перевалили через порог, то «непреодолимые обстоятельства» перетаскивали из чулана разобранные части самогонной установки, переделанной трактирным виночерпием, дядькой Невишем, из алхимических колб и узкой переносной печки.

Судя по недовольным усатым минам, «обстоятельства» в количестве трех человек, ждали, чтобы их кто-нибудь уже преодолел. Видимо, ехать в карете с бряцающим грузом и разъяренной трактирщицей ужасно не хотелось. Однако наше семейство, в смысле маменька, папаня и Эзра, под гнетом вины ссутулилось за выскобленным столом. Подозреваю, что матушка прониклась суммой денежного взыскания за самогонный аппарат и загрустила.

Папа уже год гнал самопальный виски, а потом смешивал с благородным напитком из королевских виноделен и продавал. Он так набил руку, что никто из посетителей ни разу не заметил разницы. Некоторые, особенно те, что перед громкими фамилиями имели благородную приставку «ди», даже умудрялись от восхищения закатывать глаза, чем доводили дядьку Невиша до истеричного хохота.

– Господа стражи! – привлекая внимание служителей порядка, громко вымолвила я. Для пущей важности подбоченилась и выставила вперед ногу. Господа стражи уставились на меня с искренним недоумением. Немедленно вспомнила об обувной несуразице, и ноги сами собой встали, как учили в Институте благородных девиц – пятками вместе, носками врозь.

– Что за возмутительный грабеж честных граждан королевскими служащими? – сурово вопросила я.

– Да! Грабеж средь бела дня! – поддакнула приободрившаяся мачеха Летиция.

– А вы кто, дамочка? – почесал взмокший лоб капитан.

– Я первая спросила! – фыркнула и принялась расстегивать манжету на платье. В обнимку с тяжелыми колбами из закаленного стекла, заинтригованные стражи следили за внезапным раздеванием визитерши.

– Судебный заступник семьи Амэт! – с важным видом объявила я и продемонстрировала капитану запястье с поблескивающим серебристым гербом королевства. Метку ставили при вступлении в гильдию судебных заступников.

Чего не сделаешь, чтобы не разочаровывать родственников? Даже членские взносы каждый месяц начнешь платить, лишь бы дома не догадались, что единственный в их семье человек с высшим образованием уже год безуспешно пытался осчастливить всех ручных драконов королевства. Но пока только одного чуть собственными рученьками до смерти не закормил. Бедняжка Поппи, надеюсь, что его… кхм… ее… откачали.

– Заступничек, значит, пожаловал, – процедил сквозь зубы капитан. Жаль, не сплюнул на пол, тогда бы его можно было обвинить не только в грабеже, но и в запоганивании чужого имущества. Но видимо, у меня так алчно блеснули глаза за круглыми очками, что он громко сглотнул слюну, и на шее, над завязкой плаща, дернулся выпирающий кадык. Мол, мы тоже не пальцем рисованы.

Надо было с чего-то защиту начинать. Начала с того, что поправила на носу очки и выгнула бровь.

– Позвольте повторить вопрос, по какому праву вы уносите из заведения «Душевное питье» алхимические установку для проведения учебных опытов?

Чего?! – выразительно отразилось на лицах абсолютно всех участников драмы. Я сама не очень поняла, что сболтнула, но слово не воробей. Слава Святым угодникам, мне поддакнула матушка:

– Именно! Да! Алхимическую установку.

– Это же запрещенный самогонный аппарат! – возмутился самый молоденький страж.

И тут настал мой звездный час. Вернее, звездный час наставницы Ру, выдававшей по сто раз за занятие по правам благородных девиц:

– Чем докажете?

– Нам пришло письмо! – выпалил оппонент, но увидев, как у старшего посерело лицо, моментально прикусил язык и покрепче прижал к груди медные трубки самогонного аппарата.

– Неужели? – улыбнулась я, немедленно почувствовав, как под ногами перестает плыть пол. – Покажите мне предписание, что вы имеете право конфисковать чужую собственность по бездоказательному доносу.

С пафосным видом я протянула раскрытую ладонь, требуя бумагу. Обычно такими мелочами городские стражи пренебрегали, чтобы лишний раз не досаждать мировому судье. По

слухам господину раздражительному и ненавидевшему, когда его тревожили ради каких-то там самогонных аппаратов.

– Тьфу! – сплюнул капитан. Я уже хотела объявить, что за опоганивание чужого имущества напишу жалобу, но он быстро протер пол подошвой и с грохотом водрузил колбу на стол. От вопиющего неуважения к частям разобранной «деточки», отец чуть за сердце не схватился.

– Господа, поосторожнее с чужим имуществом! – осознав, что противник разгромлен всухую, матушка поднялась из-за стола и вальяжной походкой направилась к стражам.

– Извините за беспокойство, уважаемая…

– Законопослушная! – наставительно указала она.

– Уважаемая, законопослушная хозяйка, – процедил сквозь зубы капитан и смерил меня нехорошим взглядом: – Где ж вас таких умных-то только учат?

– В институтах благородных девиц.

Судя по скептическому взгляду блюстителя порядка, под розовым ободком, мятым платьем и разноцветными туфлями благородство во мне распознать было сложновато.

«Непреодолимые обстоятельства», наконец, вышли из трактира. Всей семьей, прячась за занавесками, мы проследили, как они загружались в черную карету. Напоследок капитан бросил в сторону заведения, располагавшегося в бревенчатом, еще дедом Амэтом построенном доме, нехороший взгляд.

– Точно хочет вернуться, – буркнула Летиция.

– Святые угодники, думал, что потеряю свою деточку, – просюсюкал отец, оглаживая забытую на столе колбу.

– Старый дурень, – рявкнула мачеха и отвесила мужу смачный подзатыльник.

– За что? – вжал он голову в плечи.

– Говорила же, ставь дома в погреб. А ты: виски любит воздух, виски любит воздух! – передразнила она и протянула ко мне руки, призывая в теплые материнские объятия: – Иди ко мне, Цветочек. Выступила ты прекрасно, но могла бы причесаться.

– Не успела, – позволила я расцеловать себя в две щеки.

– Кстати, – матушка посмотрела мне в лицо, – а кто бы тот мужчина?

В трактире наступила пронзительная тишина. От любопытства даже дядька Невиш и кухарка Олив высунули носы из кухни. Я оглядела замершее семейство вороватым взглядом и громко вымолвила:

– Слушайте, так есть хочется. Накормите судебного заступника?

Все дружно оглянулись к Олив.

– Сейчас яишенку сварганю, – всплеснула она полными руками.

– Не надо варганить, – жалобно попросила я. – Просто пожарь.

Ела, как смертник перед казнью. В смысле, сидела за столом, а с другой стороны, едва поместившись на лавке, за мной пристально наблюдали родственники. Как будто считали каждый проглоченный кусок, и завтрак закономерно застревал в горле. Никакого удовольствия!

Вообще, глядя на мое семейство, вовек не догадаешься, что именно я родилась с фамилией Амэт. Яркая и черноволосая, как цыганка, Эзра пошла в Летицию, низенькая полненькая Арона походила на моего отца, будто кровная дочь, и только я казалась родственницей швабре. В смысле, высокая, худая и с невыразительными формами. В детстве мачеха думала, что меня прокляли, потому что поесть любила я, а округлости копились у Ароны.

– Что? – пропыхтела я с набитым ртом.

– Он сказал, что вы сослуживцы, – начала Летиция.

– Сослуживцы? – Аппетит мигом пропал, а сердце бухнуло в желудок и стало оттеснять глазунью обратно к горлу. С преувеличенной осторожностью я отложила вилку и отодвинула тарелку.

– Да, – согласилась мачеха, – представительный такой, в дорогом костюме. Сразу видно, что судебный заступник. И карточка красивая.

– Красивая карточка, несомненно, важна, – поддакнула я, чувствуя, что в горле неприятно пересохло. – А можно ее посмотреть?

– Он тебе, что ли, не показывал? – сощурилась мачеха.

– Хочу сравнить, у кого лучше бумага.

Она полезла в шикарное декольте и вытащила несколько помятый белый прямоугольник. Я взяла визитку в руки и вдруг почувствовала, как задергалось нижнее веко на правом глазу.

– Худой он очень, – вздохнула Арона. – Красивый, но худой.

– У тебя все худые, кто весит меньше двухсот фунтов, – насмешливо прокомментировала Эзра.

– Держись от него подальше, – нравоучительно заключил отец, – потому что приличный мужчина так девицу через порог родительского дома переносить не будет!

– Как?

– На плече! Как мешок картошки!

– Мешок картошки? – слабым голосом переспросила я и принялась с жадностью хлебать воду.

На глянцевой дорогой карточке стоял герб родной конторы и имя, каким пугали стажеров. *Таннер ди Элрой.* Другими словами, я была обречена.

***

Моя лучшая подруга Фэйр любила приговаривать: умирать, так с музыкой. Я решила, что буду выставлена со службы только торжественно. Надела черное платье и дерзкий красный шарфик, чтобы всем продемонстрировать, какой черной жемчужины они лишаются! День, как назло, выдался совершенно не траурный, по-апрельски солнечный и теплый. В такой даже грустить о том, что осталась безработной – моветон.

На службу я пришла загодя, до звонка, но в огромном особняке «Драконы Элроя» уже кипела жизнь, а в комнате, где размещался отдел продаж, полным ходом шли продажи. Конторские столы тянулись двумя рядами, по стенам расползались открытые шкафы с бесконечными папками. Вряд ли кроме меня, кто-то еще был в курсе о том, что в каждой из них хранилось. Проклятая память!

Вообще, в служебной иерархии стажер находился на самой нижней ступени конторской эволюции, занимал стол у самой двери, то есть сидел на сквозняке, страдал насморком с октября по апрель и являлся тем, кто объявлял случайно заглянувшим: «Кабинет счетоводов напротив». Думаю, что без меня сослуживцы вообще делали вид, будто в «Драконы Элроя» счетоводов не имелось, и Таннер ди Элрой лично вел расходные книги.

Стараясь не привлекать к себе внимания, я быстренько уселась за рабочий стол и поняла, что в корзинке для корреспонденции не было ни одного письма, даже из тех, что остались с прошлой недели.

– Тереза, тебя вызывал Том, – остановилась возле моего стола светловолосая «госпожа лучшие продажи прошлого года». – И еще три раза заходили, спрашивали про счетоводов. В следующий раз оставляй на столе записку, а то приходилось отвечать.

– Угу… записку, – рассеянно повторила я, будто действительно приняла близко к сердцу наставления первостатейной стервы. Поднявшись, разгладила платье, поправила шарфик и, мысленно осенив себя божественным знамением, направилась в конец зала, где была раскрытая дверь в каморку начальника Тома Потса. Сослуживцы меня провожали жадными от любопытства взглядами.

Я замерла на пороге. Пришлось постучать два раза, прежде чем шеф обратил внимание на мое появление. Потс был лысеющим невысоким мужчиной в идеально отглаженном костюме

и со значком «Драконы Элроя» на отвороте пиджака. К слову, конторским знаком он страшно гордился, и я видела, как однажды полировал носовым платком.

– Можно?

– Проходите, госпожа Амэт, – указал он на неудобный стул перед рабочим столом.

Ну, точно конец! Если бы разговор был приятный, как в прошлый раз, когда Том Потс уламывал меня на проклятущую командировку в Ватерхолл, то предложил бы посидеть в мягком кожаном кресле перед кофейным столиком, а сам разместился бы напротив. Но было указано на жесткий, скрипучий стул.

Чувствуя себя висельником на эшафоте, я присела на краешек и скромно сложила руки на коленках. Лак облупился уже на четырех пальцах, а за переживаниями я забыла безобразие стереть! Пришлось сложить пальцы в замок, спрятав непотребность.

– Опаздываете на службу? – попенял Потс.

Мы одновременно посмотрели на висевший под потолком настенный хронометр. До начала рабочего дня еще оставалось двадцать минут. Наставник пожевал губами, осознав, что сел в лужу (на самом деле, он в ней поселен навечно, но сказать об этом никому не хватает духу).

– Вчера днем в загородном клубе я доедал вкуснейший стейк с кровью…

На «стейк» мой живот отозвался голодной трелью, громко, отчетливо и жалобно, как будто я неделю не ела. Мы с Потсом сделали вид, будто конфуза не случилось, но какая, однако, жестокость говорить о еде человеку, не успевшему позавтракать! Почему нельзя отчитывать без гастрономических подробностей?

– Но оказался вызван в контору, чтобы объяснить, что случилось на совещании в Ватерхолле, и тут выяснил, что господин ди Элрой знает даже больше меня.

Неудивительно, сам в загородном клубе жевал отбивные с кровью, а серьезную встречу взвалил на хрупкие плечи стажера! Я молчала, как вражеский лазутчик на допросе, хотя, подозреваю, лучше бы с подобным усердием держала язык за зубами в Ватерхолле, и в полете… и вообще. Щеки, шея и даже уши горели, словно меня поджаривали в адском пламени.

– Так вот у меня вопрос…

– Господин Потс, честное слово, я не специально! – выпалила я, перебивая его на полуслове. – Я их никак не провоцировала, сидела и молчала, как вы мне сказали, а они заявили, что разорвут договор. Я решила, что обязана им доказать, как хороша наша «Вкусная жизнь» и накормила Поппи. Кто же знал, что Поппи не подготовлена к такому количеству незамутненной радости… К слову, а Поппи жив.. жива?

– Кто… кто такая Поппи? – поперхнулся Том.

– Эм… – Я поправила очки и махнула рукой: – Никто. Забудьте. А что вы хотели спросить?

– Откуда господин ди Элрой узнал, что вы были на совещании вместо меня?

– Кхм…

– Когда вы тут меня уговаривали отпустить в командировку…

– Простите? – показалось, что ослышалась я. – Я вас уговаривала? Да, вы тут сами… прямо на этом диване… Три часа меня по-разному обрабатывали, чтобы в Ватерхолл отправить!

Если он думал, что за провал можно сделать козлом отпущения стажера, то глубоко ошибался. Раз мне дают пинок под зад, то полетим из конторы вместе, дружно держась за руки! Как попугаи-неразлучники.

– Госпожа Амэт, что вы такое говорите? – вздрогнул Том

Он выскочил из-за стола и, выглянув из кабинета, проверил, не подслушивает ли кто-нибудь. Конечно, нас слушали абсолютно все. Быстренько прикрыв дверь, сдавленным голосом он хрюкнул:

– Ну, вы и выражения используете, Тереза.

– Это вы меня использовали! – возмутилась я. – Говорили, что даете мне шанс проявить себя. Клялись, что в Ватерхолле «все схвачено».

– Я так и сказал «все схвачено»? – Он нервно заснул палец за узел галстука.

– Именно так! Даже намекнули на повышение. Но там вообще ничего не схвачено! Вы знали про договор? – с подозрением сузила глаза.

Все! Дороги назад не было. Я практически обвинила начальство в том, что оно специально сняло с себя ответственность за провал и подставило безвольное, безответное создание, главной обязанностью которого было говорить: «Кабинет счетоводов напротив».

– Ну… эм… кхм… – заминка красноречивее любых слов говорила, что Потс еще как знал. – Но! Зато вы получили повышение!

– Чего? – изумилась я.

– Господин ди Элрой объявил, что с сегодняшнего дня вы приступаете к службе его личным стажером.

– Кого? – почувствовала я, как у меня вытянулось лицо. Почудилось, что стул начал накаливаться, точно масляная сковорода на очаге.

– Господина ди Элроя.

– Нашего? Который «дракон»? – уточнила шепотом, и Потс воровато оглянулся через плечо, словно Таннер ди Элрой частенько шпионил возле закрытых окон, спускаясь из своего кабинета по веревке. – Такая должность существует?

– С сегодняшнего дня существует, – также тихо ответил уже бывший шеф. – Идите.

– Куда?

– На новое рабочее место. Так что поздравляю, удачи в карьере, – изобразил он фальшивую улыбку.

– Подождите меня выпроваживать! – категорично выставила я ладонь, мысленно пытаясь принять тот факт, что карьере продавца сухих кормов пришел трагический конец.

Выходило, меня не захотели просто уволить, а решили сначала истерзать и только потом дать пинок под зад. Жлобы! Всем известно, что сработаться с Таннером ди Элроем смогла только одна помощница – госпожа Паприкавикус. И только оттого, что носила длинную фамилию. Пока лишний раз вызовешь, чтобы отчитать – язык ломать устанешь.

– Не расстраивайтесь, – попытался меня утешить Потс.

– Хорошо вам говорить! Из-за вас меня на вредную службу перевели! – Я принялась загибать пальцы: – Стажером оставили, жалование не прибавили, по карьерной лестнице не подняли, а подвинули, как тут не расстраиваться?

– Ну, что вы нервничаете? – Он явно издевался. – Работать лично с господином ди Элроем мечтает каждый клерк нашей конторы.

– Наверное, поэтому, как только он спускается на первый этаж, все прячутся по кабинетам, а вы вообще дверь на ключ запираете.

– Какой возмутительный поклеп, – обиделся Потс.

– И два раза в замочной скважине поворачиваете, – обвинительно ткнула я в него пальцем.

– Но вы уже повышены.

Почему-то прозвучало, как «повешены», и красный шарфик на шее вдруг показался кровавой удавкой.

– А, может, вы меня обратно понизите? – с надеждой подалась я вперед.

Через пятнадцать минут, прижимая к груди стопку любовных романов из ящика стола, пенал с чернильными перьями, розовые домашние туфли, служившие по вечерам сменной обувью, и попранное самолюбие, я поднималась по широкой лестнице на второй этаж. И казалось,

будто я забиралась на вершину неприступной горы, чтобы скатиться кубарем да сломать себе шею.

ГЛАВА 2. Личный стажер тирана

О дурном характере хозяина «Драконы Элроя» ходили легенды. В конторе даже присказка имелась: «Хочешь меня до второго этажа довести?», то есть испоганить сослуживцу жизнь так, что тому было бы проще написать увольнительное прошение. Удивительно, как я умудрилась сама себя довести до этого страшного места? Хотя, справедливо говоря, выглядела «конторская преисподняя» гораздо шикарнее общих кабинетов.

В коридоре лежала ковровая дорожка, стены были отделаны дубовыми панелями, на дверях темного дерева красовались таблички с именами, выбитыми золотыми буквами. На окнах висели подвязанные шнурками портьеры, а не жалюзи из узких деревянных реек, вызывавшие стойкую ассоциацию с тюремными решетками.

По-прежнему обнимая немногочисленный конторский скарб, я добралась до двери в приемную Таннера ди Элроя и постучалась. Ответа не последовало. Заглянула без разрешения. Просторная комната с секретарским столом, стеклянными шкафами и буйно цветущим комнатным кустом в большой кадке пустовала. Зато дверь в кабинет дракона Элроя была нараспашку.

– Доброе утро! – произнесла я погромче.

Неожиданно в дверном проеме появился высокий широкоплечий мужчина, чей портрет украшал холл. Картину рисовали в подарок на день рождения у какого-то жутко известного художника, деньги собирали всей конторой (удержали положенную сумму из ежемесячного жалования). Возможно, проблема заключалась в том, что портрет рисовали с другого портрета, а, может, мастер работал в сжатые сроки, но у Таннера ди Элроя лицо вышло такое, будто он проглотил кол и страшно мучился от несварения. В жизни он выглядел приличнее. В смысле, цвет лица у него был лучше, но выражение похожее – как с камнем в животе. И да, он являлся человеком, затащившим меня в родительский дом на плече. Удивительно, как мы еще не женаты.

– Здрасьте, – пробормотала я, попыталась поклониться и уронила с пирамиды книжек розовые туфли с пеналом.

– Вы опоздали, – сухо заметил он.

Как и десять минут назад в кабинете бывшего шефа, мы повернулись к настенному хронометру. Если тот не врал, то до начала рабочего дня оставалось три минуты. Усадить хозяина конторы в ту же лужу, где плескался Том Потс, было неловко.

– Извините, – за все разом попросила я прощения.

– Сегодня госпожа Паприкавикус, – без запинки назвал он фамилию личной помощницы, – приболела, так что я лично введу вас в курс дела.

Таннер развернулся и исчез в недрах кабинета. Я замялась, но тут услышала:

– Госпожа Амэт, поторопитесь!

Когда меня подгоняют, особенно начальство, я наполняюсь удивительной резвостью и ловкостью. Быстренько подняла с пола тапки и пенал, вместе с книжками свалила на секретарский стол и широким шагом бодро переступила через порог преисподней. Конторский ад оказался просторным, дьявольски шикарным и неожиданно светлым, не иначе как маскировался под райские кущи. Он вместил не только рабочее место Элроя, но и длинный, похожий на язык стол переговоров, витрину с банками драконьих кормов и наградами, врученными мануфактуре на продовольственных конкурсах. Тут даже диван для отдыха стоял не стесненный другой мебелью.

У нас в парадной гостиной обстановка выглядела проще, а, между прочим, покупалась в лучшей мебельной лавке Аскорда. Пять лет назад. С какой-то чудовищной скидкой. Никто не хотел приобретать диван в полоску цвета «горчичного порошка», отчаянно напоминавшего

другой цвет с менее романтичным названием. Первые три года нам запрещалось садиться на кушетку – матушка демонстрировала ее гостям как музейный экспонат и считала, что ни один зад, только если он не обтянут штанами, пошитыми золотыми нитками, не имел права приминать дорогущие пружины.

Таннер уже устроился за громадным письменным столом, развалившись в удобном кожаном кресле на колесиках, и указал мне на стул.

– Присаживайтесь.

С прямой спиной присела на краешек и благопристойно сложила руки на коленях. Увидела непристойно облупленные ногти и сжала кулаки, с трудом сдержавшись, чтобы не подоткнуть ладошки под себя.

– Итак, госпожа Амэт…

– Пока вы не начали говорить! – перебила я. – По поводу выходных… Мне очень жаль!

– О чем именно вы сожалеете? – Элрой выглядел невозмутимым, но взгляд был ироничным. Точно издевался. Драконище!

– Обо всем! И о совещании, и о договоре, и о том, что вам не удалось поспать во время полета, – с жаром перечислила я, – и, главное, прошу прощения за то, что вам пришлось тащить меня на плече. Было тяжело?

– Ничуть.

– Ох, скажите? Я же пушинка! – Собеседник выразительно изогнул бровь, намекая, что утверждение спорное. – Вы правы, пушинка, проглотившая слона… Кстати… эм… а что с Поппи?

– Впала в летаргический сон.

– Святые угодники, какое счастье! – приложила я ладонь к сердцу, давая понять, что с души упал тяжелый камень.

– Счастье? – вкрадчиво переспросил Элрой.

– Ну, знаете, мертвые драконы не воскресают, а тут проснется через пятьдесят лет, и как новенькая… Выспавшаяся, посвежевшая…

– Вы так думаете? – Он смотрел на меня, как на любопытную букашку, и слова сами собой замерли на устах.

– Извините, – покаянно опустила я голову.

– Итак, госпожа Амэт, коль вы выяснили, что не настолько легки, как думаете, а впавший в летаргический сон дракон – так себе новость, вот вам первое правило: никогда меня не перебивайте. Даже если очень хочется что-нибудь сказать, перехотите и не открывайте рот. Вам надо записать?

– У меня проблемы со зрением, а не с памятью, – промямлила я. Святые угодники, дракон правила сочинял специально для личного стажера, или они едины для всех наказуемых, дерзнувших проехаться на королевских закорках?

– Правило второе: никогда не опаздывайте. Третье…

На Элрое был надет серый сшитый на заказ костюм. Из кармашка торчал бордовый платочек, невольно притягивающий взгляд. На столе между письменных принадлежностей стоял кактус. Маленький колючий уродец с шипами и красным мелким цветочком на макушке, словно выплюнутом из вредности. И ведь они походили друг на друга настолько, насколько кактус и человек могут быть похожими!

– Уяснили? – вывел меня из забытья дракон.

Я ничего не услышала и просто кивнула.

– Обязанность у вас только одна – выполнять мои поручения, – объявил он. – Будете с ней плохо справляться, мы расстанемся. Проявите себя профессионалом и, поверьте, больше не придется врать семье о том, чем зарабатываете на жизнь.

Почему прозвучало так, будто я не корма для драконов в приличной конторе продавала, а свое тело – в заведении мадам Бонни, что находилось в трех кварталах от родительского трактира?

– Вопросы есть? – изогнул брови Элрой.

– Нет.

Святые угодники, и кто ж выйдет замуж-то за спесивого тирана? В голове возник образ, как безликая женщина в белом фартуке поверх бархатного платья с бриллиантами подает дражайшему супругу в сером костюме розовые тапки, а он ей тычет пальцем в нос, мол, ты не подчинялась правилам: перебивала меня, опаздывала с ужином, поливала кактус клюквенным морсом. Другими словами, не проявила себя как профессионал, и теперь нам придется расстаться. Уж я бы помогла ей развестись так, чтобы мымра в наглаженных штанах без этих самых штанов остался!

– Пока госпожа Паприкавикус, – снова без запинки выговорил он фамилию секретаря, – на больничном, поработаете в приемной, а потом займете личный кабинет.

– Личный кабинет? – округлила я глаза. Элрой указал на неприметную дверь как раз напротив его стола. Подозреваю, что за ней пряталась кладовка.

– В нем есть окно, – объявил он с короткой улыбкой, и у меня не возникло сомнений, что злосчастное окно выходило на глухую стену. – Итак, приступайте.

– К чему?

– К выполнению своих непосредственных обязанностей.

– Слушаюсь, – машинально объявила я.

Встала и, стараясь не стучать каблуками, направилась в приемную, но в дверях оглянулась. Элрой уже изучал какие-то документы.

– А какое у меня на сегодня поручение?

– Вы же по образованию судебный заступник, верно? – поднял он взгляд от бумаг. – Вот и заступайтесь за мой кабинет. До вечера никого не пускать.

В общем, личному стажеру предстояло послужить сторожевой собакой. Удивительно, как цепь с ошейником из ящика стола не вытащил.

– Кстати… – вымолвил он и выдвинул ящик стола. У меня задергалось нижнее веко.

Я почти ожидала розового ошейника с шипами, но Элрой вытащил коричневую папку и швырнул на стол.

– Вы говорили, что неплохо разбираетесь в разводах? Тогда разведите нас с Ватерхоллом так, чтобы они увидели сумму компенсации и сами попросились обратно.

– Слушаюсь.

Да что я заладила, слушаюсь да слушаюсь? Осталось только добавить «и повинуюсь, мой господин»!

Подскочив к столу, я забрала документы и быстренько спряталась в приемной.

– Хорошего дня, – крикнула, прикрывая дверь, и без сил бухнулась на стул мадам Паприкавикус. К слову, весьма комфортный, в общей комнате о таком даже мечтать не стоило. Настенный хронометр показывал, что в кабинете дракона я провела жалкие полчаса, а измучилась, будто распинали целую вечность. Как до конца рабочего дня-то дожить?

С решительным видом я приступила к выполнению первого задания, в смысле к охране кабинета, а пока сторожила, любовно сложила книжки ровной стопочкой на краю стола, припрятала розовые домашние туфли в ридикюль и открыла папку с договором. Создав видимость занятости, я принялась напряженно вслушиваться в тишину начальственного кабинета. Вдруг дракон решит выползти из пещеры? Однако за дверью было тихо, как в склепе. Я, конечно, расслабилась и углубилась в изучение договора со жлобами, даже не накормившими меня черной каракатицей. Под сладкое соображалось лучше, а в кармашке ридикюля как раз был припрятан леденец, вкусный до невозможности и отлично поместившийся за щеку.

В общем, почувствовав себя на новом месте, как на старом, я потеряла бдительность. Тут-то дверь и распахнулась! В панике я проглотила конфету почти целенькой, чувствительно поцарапав горло, вскочила со стула и выпрямилась в струнку, как перед уроком наставницы Ру.

– Добро пожаловать!

Раздери меня бесы, почему я сказала «добро пожаловать»?!

Дракон, державший в руках несколько одинаковых коричневых папок, недоуменно изогнул брови и скомандовал:

– Садитесь.

– Спасибо, – краснея, пробормотала я и села мимо стула. – Ма-а-ать моя женщина!

Выказывая завидную реакцию, Таннер схватил меня под локоть и не дал позорно приземлить пятую точку на пол. Думаю, не из человеколюбия, а чтобы не платить выходное пособие за производственную травму.

– Осторожно вы! Так и шею недолго сломать! – рявкнул спаситель.

– Простите, – начиная гореть, как сигнальный фонарь, пролепетала я.

– Держите, госпожа Амэт. – Он хотел положить папки на край стола, но воззрился на пирамиду любовных романов, которую, конечно же, увенчивала приснопамятная «Золушка». – Почитываете?

Открыв от изумления рот, я проследила, как он забрал стопку, пристроил папки и, с любопытством изучая названия на обложках с цветочками, развернулся к двери. Дракон утаскивал мои сокровища в пещеру! Что за наглый грабеж среди бела дня?!

Между прочим, «Золушка» являлась боевым трофеем. За книгой я гонялась по всему Аскорду, а когда нашла последний экземпляр в крошечной лавке за городской стеной, то выбила в честной схватке с ярой поклонницей Шарли Пьетро. Да я так мечтала об этом романе, что выбила бы у самой писательницы, размахивай она передо мной рукописью!

– Вы же не будете против? – махнул Элрой стопкой.

– Что вы, пожалуйста, – натянуто улыбнулась я и указала на папки: – А что мне делать с этим?

– Изучить. И дать комментарии.

Дверь закрылась. Меня запросто лишили кропотливо собранной за целый год коллекции. Смерть драконам! Даже если они платили мне жалованье.

Чувствуя себя душевно растерзанной, я попыталась отвлечься изучением договора с Ватерхоллом и даже вынесла вердикт, нацарапав на листочке сумму компенсации. Вдруг перед мысленным взором проплыла бедняжка Поппи, заснувшая летаргическим сном, и последний ноль оказался зачеркнутым. Потом вспомнилась черная каракатица, которой меня так и не угостили, и ноль вернулся на прежнее место. Пока я страдала от моральной дилеммы, в приемной рассыпался колокольчиком тоненький голосок:

– Добрый день!

В дверях улыбалось светловолосое глазастое создание с корзинкой для пикника в руках. Из-под встопорщенной плетенной крышки торчало бутылочное горлышко.

– Вы… эм… доставщик еды? – уточнила я.

– Жена, – выдохнуло создание.

Насколько мне было известно, дракон Элрой ни разу не запятнал статус холостяка супружескими отношениями. Ну, или умудрился жениться в обход конторских сплетников.

– Бывшая? – уточнила для ясности.

– Будущая, – пропела девица. – Я принесла Танни поесть. Знаете, он так плохо питается…

Неожиданно резво для женщины на высоченных каблуках и с тяжелой поклажей в нежных руках она начала прорываться к кабинету. Я выскочила из-за стола и преградила путь. Роста мы оказались одинакового, так что смотрели глаза в глаза. От ангела пахло совершенно не божественно, чем-то приторно-сладким.

– А господина Элроя нет в конторе, – объявила я и взялась за ручку корзинки. – Вы еду оставьте. Он как вернется, так и отобедает.

– Тогда я его здесь подожду.

Блондинка решительно потянула корзину на себя, не позволяя забрать подношение, и растерянно огляделась. И вот сейчас я поняла, что из приемной кто-то предусмотрительно вынес все лишние стулья. Видимо, чтобы гостьи не устроили зимовье перед логовом дракона.

– Ладно, ты победила, – сдалась «будущая жена», отпуская поклажу, и я едва не кувыркнулась с корзинкой носом в пол.

Похоже, нежное создание хрупким выглядело только со стороны, а на деле обладало недюжинной силой. Иначе как она с легкостью атлета держала такую тяжесть? Загадка, право слово.

– Передай, что это обед от Даниэлы, собственными руками приготовленный, – велела она. – Кстати, отправь посуду в ресторацию «Лебединая песня».

– Не сомневайтесь, – скривила я губы в улыбке.

– Добрый день! – раздалось из дверей.

Мы синхронно оглянулись. На пороге нарисовалась брюнетка в дорогущем платье и с корзинкой в руках. Судя по тому, как у Даниэлы вытянулось лицо, в контору пожаловала очередная претендентка на роль той самой безмолвной женщины, которой предстояло каждый вечер подавать Таннеру ди Элрою розовые тапочки.

– Ты? – вкрадчивым голосом уточнил светловолосый ангел с нехорошим блеском в глазах и упер руки в худые бока.

– Какая встреча, – опустив поклажу на пол, хмыкнула брюнетка.

Они принялись сближаться, как борцы на ринге.

Матерь всех святых угодников! Мало что противницы были знакомы, так еще жаждали устроить в приемной непотребство! В смысле, неприлично для благородных дев вцепиться друг другу в красивые прически, только-только сделанные в салоне красоты. Терять работу из-за чужих содранных скальпов я не планировала. Точно не после того, как лишь чудом и милостью драконистого шефа не вылетела со службы.

– Девы! – гаркнула я, заставив тех оглянуться. – Вспомните, что вы приличные женщины! Не устраивайте драк в приемной! Идите биться на улицу!

«Приличные женщины» излили на меня ненавидящие взгляды. Вмиг стало ясно, что в этой битве стажер вряд ли выстоит. По крайней мере, очки точно разобьются.

– Я знаю, где Элрой сейчас! – выпалила я, и гарем насторожился. – У него обед с партнерами в трактире «Душевное питье» на углу главной рыночной площади.

Договорить не успела, а девиц смело из кабинета. Оставшись в одиночестве, я облегченно выдохнула, но тут брюнетка снова появилась на пороге. Бухнула корзинку на пол и пропыхтела, сдув с лица выбившуюся из прически темную прядь:

– Ну, в общем, передайте… И посуду потом надо в «Лебединую песню» вернуть.

– Да-да, бегите, а то не успеете!

С честью выполнив долг охранной псины, я кое-как запихнула корзинки под стол, чтобы не портили благопристойного вида приемной, и принялась папкой обмахивать горящее лицо. Не представляю, как с нашествием будущих жен справлялась госпожа Паприкавикус, но святой женщине явно стоило поставить памятник в самом центре конторского фойе. Я нарвалась на двух оголтелых невест, а взопрела так, словно отбила кабинет от армии бесов.

Из-под стола меж тем потянуло аппетитными запахами. Я сглатывала слюну и старательно делала вид, будто читаю договор, но вместе со сторожевыми навыками во мне проснулся собачий нюх. Похоже, дамы собирались потчевать дракона курицей в чесночном соусе, жареными колбасками, острыми соленьями и свежим хлебом. Неожиданно я обнаружила, что, согнувшись в три погибели, принюхиваюсь к одной из корзинок под столом.

– Приветствую, – раздалось скрипучим и недовольным голосом. Попытавшись выпрямиться, я сочно шибанулась затылком о крышку стола и едва не уронила очки. Наконец, вынырнув на поверхность, обнаружила очередную визитершу. Святые угодники, по виду лет пятьдесят, а все туда же.

– Позвольте, угадаю, – буркнула я, потирая ушибленную голову. – Вы бывшая жена или матушка?

Дама пригвоздила меня страшным взглядом.

– Главный счетовод «Драконов Элроя».

– Ой! – моментально выпрямилась я на стуле. – Извините. Вы прическу сменили?

Не скажешь ведь, что не признала начальство в лицо.

– Угу, двадцать пять лет назад, – объявила она генеральским тоном и решительным шагом направилась к секретарскому столу. Заставив меня неловко поджать ноги, заглянула под крышку.

– Из «Лебединой песни»? Что-то обмельчали нынче невестушки. Раньше прямиком на королевской кухне заказывали.

– Так, может, сейчас еще принесут… из королевской кухни? – растерялась я.

– Вряд ли. Они обычно от свахи косяками ходят, – выказала удивительную осведомленность счетоводша и вдруг самым нахальным образом извлекла трофейные обеды из-под стола. – Ладно, новенькая. Сегодня я займусь благотворительностью и заберу еду, но потом справляйся уже сама.

Хороша благотворительность! Вместо того чтобы бедного личного стажера чем-нибудь одарить, его дерзко ограбили и унесли ресторанные вкусняшки! Я растерянно проследила, как она утаскивала одурительно пахнущие подношения.

– Госпожа счетовод, ну, оставьте хоть куриное крылышко… – сама от себя не ожидая, простонала я. Грабительница оглянулась через плечо, измерила меня тяжелым взглядом и вытащила из одной корзинки коробку с шоколадом.

– Держи, – протянула мне, – сладкое помогает думать. Тебе явно не помешает. Можешь, не благодарить.

Удивительный народ! Обокрали, непрозрачно намекнули на скудоумие и еще рассердились, что не сказала «спасибо».

Она удалилась, ловко придержав дверь ногой, чтобы не защемить корзинки. В открытое окно улетали последние аппетитные запахи. Чувствуя себя голодной и обделенной, я достала из-под тапочек бумажный сверток с помятыми сандвичами и принюхалась к скромному обеду. Явно не курица в чесночном соусе, да и лежали в сумке второй день, но я была такой голодной, что съела бы дракона, живого и шипящего, если бы его хорошенько поперчили.

Едва зубы вонзились в повядший сыр и размякший хлеб, как Элрой с очередной стопкой папок возник в приемной. Он уставился на надкусанный бутерброд с таким искренним омерзением, словно я обгладывала зажаренную лапку его ручного дракона Ральфа. Столько времени с собеседования прошло, а кличку до сих пор помнила, и она по-прежнему стойко ассоциировалась с мужским достоинством шефа.

– Вы едите? – вкрадчиво уточнил он, как будто глазам своим не верил.

От страха я проглотила откусанный кусок, не жуя, и промычала:

– Время обеденное…

– Не выношу, когда в кабинете пахнет едой, – прокомментировал он.

– Это ваши будущие жены едой навоня… напахли… нараспространяли неприемлемых запахов, – попыталась защищаться я.

– Простите? – изогнул брови Таннер.

Он там не слышал, как бедный личный стажер отбрыкивался от гарема?! Даже грабительница с первого этажа услыхала и прискакала, чтобы отжать трофейные обеды!

– К вам приходили девушки. Принесли поесть, а потом… унесли, – закладывать счетоводов все же не стоило, из их рук я получала жалованье.

– Вы заказали доставку еды в контору? – попытался разобраться он.

– Скорее кто-то заказал доставку невест в контору, – поправила я.

– Невест?

– Двух. С корзинками для пикников.

– Ясно, – сухо резюмировал дракон Элрой, не уточнив, что именно ему в действительности ясно, и немедленно вернулся в логово.

Дверь, правда, не запер, и я постеснялась жевать бутерброд. Пытаясь мысленно убедить себя и обиженно урчащий живот, что голодание пойдет на пользу фигуре, завернула надкусанный сандвич в газетный лист и спрятала в ридикюль обратно под тапочки. Скормлю какому-нибудь бездомному псу, пусть хоть кто-то сегодня ощутит счастье насыщения.

Тут шеф снова вылетел из кабинета, но уже одетый в узкий плащ до колен. В руках он нес папочку, в душе – непомерное самомнение. Стремительно пересек приемную, но вдруг остановился, точно в невидимую стену вмазался, и бросил через плечо:

– Почему вы сидите, госпожа Амэт?

Проклятье, что за варварские порядки? Опоздать нельзя, поесть нельзя, от невест – отбейся, так еще и провожать стоя?! Может, надо кланяться после каждой выволочки? Мол, спасибо, что научил уму разуму, великий дракон Элрой. Жлоб!

– Извините, – пробормотала я и поднялась.

Кажется, в последний раз я столько извинялась, когда опоздала в театр, а места оказались в центре длинного ряда. Пришлось лезть через весь зал, сдавленно прося прощения за каждую отдавленную ногу и пристукнутую ридикюлем макушку.

– Почему вы стоите? – тихо уточнил тиран с таким лицом, словно хотел свернуть мне шею за глупость.

– Мне сесть? – осторожно уточнила я.

– Госпожа Амэт, вы всегда плохо соображаете на голодный желудок? – раздраженно процедил он. – Разве вы не хотели обедать?

– Я?

– Из нас двоих именно вы принялись жевать хлеб на рабочем месте. Шевелитесь!

Второго приглашения на бесплатный обед мне не требовалось, поспешно схватила ридикюль и с готовностью, выказывающей зверский голод, решительно кивнула:

– Идемте.

– Вы без плаща? – изогнул он брови.

– В плаще, – согласилась я, – но он остался в отделе продаж.

– Заберите, – со вздохом кивнул Элрой. – Подожду вас в экипаже.

Когда я ворвалась в бывший кабинет и бросилась к одноногой рогатой вешалке, где подвешенный на петельку меня дожидался плащик, то народ замер.

– Уволил? – тихо спросил клерк, полгода просидевший со мной за соседним столом.

– Покормить обещал.

– В качестве компенсации за увольнение?

– В качестве обеда, – поправила я, забрала одежду и с высоко поднятой головой вышла в коридор. Провожала меня гробовая тишина, и только женский голос вымолвил:

– Знала бы, что так выйдет, сама в Ватерхолл полетела.

Впервые за год привратник, он же охранник, открыл передо мной тяжелую дверь. По привычке я все равно прошла в проем бочком, как обычно, когда приходилось двумя руками держать тяжеленную створку и просачиваться внутрь или наружу. Шикарный экипаж Элроя ждал возле пешеходной мостовой. Я чуть кубарем не скатилась к подножью лестницы, когда засмотрелась на блестящий (во всех смыслах) транспорт и случайно перешагнула через сту-

пеньку. Забраться в обитый натуральной замшей салон мне помог кучер, и я, обласканная вниманием обслуги, удобно устроилась на мягком сиденье.

Ехали в молчании. Элрой, не отрываясь, читал бумаги и не мешал мне представлять сытный обед. В голове все время крутились жареные рябчики в ананасах, хотя первых я никогда не ела, а вторые – терпеть не могла.

– Почему столько? – вдруг спросил Таннер.

– А? – исключительно профессионально переспросила я.

– Вы указали сумму неустойки, – терпеливо объяснил он. – Почему столько?

Как увидел, глазастый? Рассказывать о своих метаниях между заснувшей Поппи и не съеденной черной каракатицей было не очень-то впечатляюще, поэтому пришлось вспомнить договор, пункты из дополнительного соглашения и еще кое-что по мелочи.

– Ясно, – сухо буркнул тиран и вернулся к изучению бумаг, а потом вдруг добавил, не потрудившись поднять головы: – Очень неплохо, госпожа Амэт.

– Да, – пробурчала я себе под нос, – в разводах я кое-что понимаю.

И в том, как вкусно поесть, тоже толк знала. Когда мы остановились возле ресторации «Лебединая песня», то перед мысленным взором снова возникли исходящие дымком рябчики с хрустящей поджаренной кожицей. Голод напрочь отбивал во мне желание работать, но зато пробуждал творческое воображение. В фантазиях ножки рябчика выглядели, как от откормленной индюшки.

К двери мы с Элроем двинулись одновременно и, конечно, встретились. Вернее, я уперлась ему макушкой в живот. Столкнувшись, сконфуженно замерли. Живот, у дракона, к слову, оказался крепкий, поди все «кубики» были на месте.

– Извините, – охнул Таннер.

– Ничего, – пролепетала я.

Тут кучер широко распахнул дверь и замер, обнаружив пассажиров в двусмысленной позе.

– Прошу, – передал мне попутчик право выныривать из кареты первой.

Было у меня подозрение, что Таннер собирался красиво выйти и как положено воспитанному мужчине подать даме руку, но голод несвоевременно прибавил этой самой даме резвости. Наверняка Элой теперь решил, будто я страдала женской независимостью от мужского плеча. Так вот, неправда! Пусть с мужскими плечами, вернее, с мужиками мне не везло, но плечи я все равно любила. Хлипкие, широкие, сильные, узкие – без разницы на какое опираться, лишь бы человек был хороший и не жмотился на поддержку. К сожалению, из экипажа все равно пришлось выгружаться самостоятельно. Даже обидно стало.

Посреди обеденной залы «Лебединой песни» тоненько звенел фонтан в виде двух скрестивших шеи лебедей, выпускавших из открытых клювов хрустальные струйки воды. Хотелось бы сказать, что выглядела композиция шикарно, как ресторанные шторы из тончайшего белого полотна или серебряные приборы, сверкающие даже в дневном свете, но нет – статуя была отвратительно безвкусной.

– Господин ди Элрой! – немедленно подскочил к нам хозяин ресторации. – Столик ждет вас.

А столик ждал нас у большого окна, выходящего на улицу. Видимо, он считался одним из лучших, далеко от кухни и прочих благ цивилизации с ватерклозетами, но едва мы уселись, как за стеклом обнаружился постовой. Наши голодные взгляды встретились. Я вдруг поняла, что при мысли, как он глотает слюну, начну ронять куски в тарелку, точно не умею пользоваться столовыми приборами.

Между тем Элрою вручили кожаную папку с меню. Одну на двоих. Похоже, цены в ресторации зашкаливали, и подавальщики заранее озаботились, чтобы дама с голодным, как у

сироты, блеском в глазах не объела дорогого клиента. Таннер, не раздумывая, протянул меню мне и с ироничной улыбкой объявил:

– Тут, конечно, никто не попытается предложить вам черную каракатицу, но каре ягненка очень достойное. *Ральфу* нравится.

Зачем он упомянул Ральфа, жестокий человек? В голове появилась пикантная картинка, которая по отношению к начальству возникнуть не имела права, а я немедленно осознала, что не намерена пробовать каре ягненка, даже если этот бедненький ягненок последний на земле.

– Вы кормите своего дракона мясом? – уточнила я и искренне полюбопытствовала: – А как же «Вкусная жизнь» с ароматом говядины в холщовых мешках по полфунта?

– Ральф приболел, и ветеринар посоветовал естественную пищу, – самое удивительное, но, похоже, мне удалось смутить Элроя.

В общем, личный стажер шефа и ручной дракон находились на одной ступеньке эволюции. Стоило оскорбиться, но когда тебя от чистого сердца хотели накормить в дорогой ресторации, оскорбляться не выходило.

Однако уже через полчаса я поняла, что просто так, по душевному порыву и по совести, он ничего не делал. У Таннера ди Элроя просто не имелось ни того, ни другого! Ведь едва подавальщики принесли заказанные блюда, и я испробовала нежнейшую, тающую во рту вырезку, как в ресторанном зале появились две дамы средних лет. Одни из тех, что красили губы в коралловый цвет, каждый день укладывали волосы в салонах, к платьям прикалывали только ручные кружева, а в сумочках носили крошечных драконов, разукрашенных в цветочек или полоски. К слову, у одной дракон красовался синим горошком, а у другой – желтыми звездочками и розовыми усиками.

– Таннер? – остановившись рядом с нашим столиком, спросила одна из дам. Дракон в горошек широко зевнул. Мне всегда было любопытно: они снотворными снадобьями их прикармливали, чтобы бедолаги не вырывались из сумочек?

– Какое неожиданное совпадение! Тетушка! – с фальшивым удивлением Элрой поднялся из-за стола и поприветствовал вторую даму: – Госпожа сваха.

– Разве ты не должен быть в конторе? – изогнула брови тетка.

– Мы с Терезой решили пообедать, – указал он на меня, замершую с оттопыренной щекой.

Не чувствуя никакого вкуса еды, я проглотила кусок в точности, как удав, надеясь, что он через недельку все-таки переварится и не вызовет несварения.

– Тереза – мой новый стажер, – сделав нарочитую паузу, словно раздумывал, как бы меня представить, пояснил Таннер.

– Добрый день, – следуя правилам приличий, мне пришлось оторваться от еды и подняться.

Глядя на троицу со стороны, я пыталась понять, что за спектакль они разыгрывали. В любом случае самой лучшей актрисой являлась дама, названная свахой. Она молчала и просто съедала меня острым, изучающим взглядом, как будто прикидывала, способна ли девица в очках, страдающая присутствием здорового аппетита, составить конкуренцию ее высокородным протеже с корзинками еды из дорогих ресторaций. Мы обе знали, что я была не способна. Билет на ярмарку невест для меня заказан.

– Можем мы к вам присоединиться, дорогая? – спросила тетка Элроя.

– Вы спрашиваете у меня? – растерялась я, бросив недоуменный взгляд на шефа.

– Нет, – спокойно отказал он, и у дам вытянулись лица. – Кстати, тетушка, у меня огромная просьба, перестаньте присылать в контору девушек. Тереза только вступила в должность, и сегодня появление подопечных мадам свахи выставило меня в нехорошем свете. Как видите, место моего… кхм… личного стажера уже занято. Никаких собеседований я не планирую.

– Вообще? – уточнила сваха.

– Никогда, – улыбнулся Элрой.

– Обсудим этот вопрос позже, – сухо отозвалась тетка.

– Он не подлежит обсуждению, – отрезал мужчина. – Приятного аппетита, дамы. Тереза, вы закончили?

Нет, я не закончила! Кто оставляет столько еды на тарелке? За все ведь заплачено! Понимаю, что миссия была выполнена, тетка, нанявшая сваху, запугана, но голод-то мучил по-прежнему! Интересно, тут недоеденное заворачивают?

– Да, конечно, – с вежливой улыбкой вымолвила я и мысленно сделала пометку, что перед трапезой с Таннером ди Элроем жизненно важно плотно обедать на стороне, чтобы не помереть с голодухи.

По дороге в контору экипаж попал в затор, остановились, как назло, напротив тележки уличного торговца едой. Под полосатым тентом исходили ароматным дымком бадьи со свиными сосисками, плавающими в остром бульоне, и жареными рыбными пирожками, от мух прикрытыми полотенцем. Постовой никак не давал сигнал трогаться, и в салон начали просачиваться соблазнительные запахи.

В пустом желудке немедленно заурчало, и жалобный звук осквернил настороженное молчание. Сконфуженно покосившись на Элроя, я прижала руку к животу и поерзала на сиденье. К счастью, дракону хватило такта сделать вид, будто он ничегошеньки не услышал, но голодная трель повторилась. Привыкший к обеду в конторской забегаловке, организм требовал еды! Сгорая от стыда, я возжелала немедленно выпрыгнуть из кареты. Таннер оторвал взгляд от документов и, внимательно глядя на мой живот, словно обращался непосредственно к нему, спросил:

– Отправить кучера к торговцу?

Он кивнул в сторону окна, намекая на тележку с уличной едой.

– Не стоит, – с горящими щеками вежливо отказалась я, но заглушить голодное бормотание живота было практически невозможно, пришлось жалобно попросить: – Если вы не против, то я доем сандвич.

– Не стесняйтесь, – неожиданно согласился Элрой. Видимо, запах сыра в салоне экипажа, в отличие от приемной, его ничуть не смущал.

Шеф исподтишка следил, как сначала я вытащила из ридикюля розовые домашние туфли и пристроила на сиденье, потом любовный роман «Спящая красавица», а в конце выудила помятый сверток. Когда шуршащая газета с двумя истерзанными сандвичами раскрылась, то под перекусом обнаружилось напечатанное крупным планом лицо самого Элроя с промасленным пятном посреди лба. Краснея от конфуза, я покосилась на шефа. Он тоже заметил, что бутерброды были завернуты, фигурально выражаясь, в его физиономию.

– Будете? – выпалила я. – Один даже не надкусанный.

Удивительно, как у дракона не случилось летаргического сна на пятьдесят лет при виде помятого сандвича не первой свежести в подрагивающей руке.

– Пожалуй, воздержусь, – мудро отказался он.

– Знаете, вообще-то, я малоежка, – для чего-то соврала, прежде чем натрусить хлебными крошками на дорогущую обивку.

– Я заметил, – тщательно скрыв иронию, вымолвил шеф. – Приятного аппетита, госпожа Амэт.

К счастью, по возвращении в контору он оставил меня в покое, позволив тихонечко изучить некоторые папки. Пометки шефа были категоричными и заставляли шевелить мозгами. Как, оказывается, я мало знала о «Драконах Элроя»! Помимо мануфактур, где производились корма и товары для ручных драконов, Таннер ди Элрой владел большими торговыми домами, гостиным двором, судоходной верфью в Ватерхолле и еще кое-чем по мелочи. Комментарии он требовал по каждому направлению. Даже к этим злосчастным мелочам. А, надо сказать, когда

дело касалось недвижимости, я превращалась в бедняжку Поппи, то есть договоры отказывались усваиваться в сознании и отправляли меня в летаргический сон.

Подперев щеку кулаком, я стоически вчитывалась в жалобное письмо от какого-то арендатора, но строчки расплывались перед глазами. Пару раз клюнув носом, поправляла очки, снова пыталась вчитаться, ловя себя на том, что за полчаса не продвинулась дальше третьего абзаца.

– Соберись, Тереза! – похлопала я себя по щекам. – Солнце еще высоко!

Солнце уже садилось, и приемную заливал оранжевый грустный свет. Обычно в это время я красила губы, протирала очки мягкой тряпочкой и собиралась заняться личной жизнью, как любой законопослушный клерк после рабочего дня. В смысле, пойти домой, наконец нормально поесть и с чашечкой натурального апрозийского какао почитать любовный роман…

– Госпожа Амэт, – раздался над головой незнакомый голос. – Госпожа Амэт!

– Что? Кто? Где? – выпрямилась я на стуле и в панике поправила на носу очки.

Диковато огляделась по сторонам, не сразу понимая, что заснула за рабочим столом, сладко прижавшись к папке щекой. Комната была погружена в темноту, и единственным источником света служила открытая дверь в кабинет дракона Элроя. Он сам, одетый в плащ и с неизменными бумагами в руках (он, вообще, когда-нибудь не работал?) с недоумением наблюдал за тем, как новый личный стажер пыталась прийти в себя.

– Что вы тут делаете? – спросил он, как будто ответ не был очевиден.

– Работаю, – едва успев прикрыть рот, широко зевнула я.

– Я впечатлен вашим рвением, но уже девять часов вечера. Собирайтесь, я вас подброшу к дому.

– Большое спасибо за беспокойство, – встав из-за стола, я едва себя остановила от сладкого потягивания, – но лучше возьму кеб.

Сняла с вешалки плащ. Тут Элрою удалось выказать галантность. Отложив папки, он взял плащ из моих рук и помог одеться.

– В такое время опасно ехать в кебе, – наставительно вычитал он.

– Опасно вам меня домой подвозить, – заспорила я. – Вы же видели моих родителей, когда… в субботу… Ну, вы понимаете.

– Доставил вас домой?

– Угу, доставили.

– Ваши родители – милейшие люди.

Какой, однако, наивный мужчина, а с первого взгляда не скажешь. Разве ему неизвестно, что маньяки всегда кажутся милыми людьми?

– Они уже считают, что вы обязаны на мне жениться.

– Простите? – поперхнулся Элрой.

– Вы перетащили меня через порог отцовского дома на плече. Считайте, подписали за нас обоих брачный договор, – пояснила я. – Если еще ваша тетушка действительно поверит, что между нами особые отношения, как вы пытались изобразить в ресторации, и захочет познакомиться с моими родителями, то мы сами не поймем, как проснемся женатыми.

– Вы берите мою карету, а я возьму кеб, – предпочел поверить мне на слово Элрой, не нарываясь на семейство свадебных маньяков. – И уверяю вас, госпожа Амэт, моя тетушка вашу семью не побеспокоит. Никогда и ни при каких обстоятельствах.

Когда экипаж остановился возле нашего особнячка, то время приближалось к одиннадцати вечера. За кустами сирени, растущими возле дома, было видно, что на первом этаже горел свет. Трактир обычно работал до ночи, и рано семейство домой не возвращалось.

С опаской я вошла в тихий холл и обнаружила на полу прочерченную белым мелком от стены до стены полосу. Дверь, к слову, была поделена на половины. В гостиной на полосатом диване, точно посредине проходила полоска.

Хмурое семейство восседало на кухне за столом, тоже расчерченным мелом. На одной стороне сидела матушка с сестрами, на другой – угрюмый отец с заплывшим, подбитым глазом.

– Что тут происходит? – удивилась я.

– Мы с твоим отцом разводимся! – с надрывом в голосе заявила Летиция. – И делим дом! Будешь моим судебным заступником.

В растерянности папа моргнул только одним глазом – второй не открывался.

– Не хочу показаться грубой, но дом и все, что в нем находится, ну, кроме дивана цвета детской неожиданности, по праву наследования принадлежит мне и не является совместно нажитым имуществом, – нудным голосом напомнила я.

Матушка в ярости изогнула брови.

– То есть при разводе я толком ничего не получу?

– Диван и самогонную установку вы поделить можете, – тут же уверила я.

– Дочь! – взвыл отец, видимо, не желавший делить золотоносную деточку с вздорной супружницей.

– И трактир тоже, – подсластила я горькую пилюлю.

Мы обе знали, что трактир в прошлом году был два раза перезаложен, деньги пущены на развитие (изготовление самогонной установки и покупку сорока бочек с королевским виски), и теперь готовился быть перезаложенным третий раз.

– Предательница! – воскликнул он. – Я тебя, между прочим, учил, кормил и одевал.

– И никакого дома? – уточнила Летиция.

– Вообще.

– Неблагодарное дитя, – вздохнула она и приказала сестрам: – Девочки, стирайте мел. Мамочка передумала разводиться.

Мы перевели дыхание. Проходя мимо отца, мачеха замахнулась тяжелой рукой, и бедняга вжал голову в плечи.

– Старый хрыч!

Потом не удержалась и все-таки хлестнула лысоватого ловеласа в штанах с подтяжками полотенцем по затылку.

– Что случилось-то? – шепнула я на ухо Эзре.

– Матушка застала его в подсобке с новой подавальщицей. Страшно разозлилась.

– Подавальщица жива?

– Ковыляет помаленечку.

Под гнетом обстоятельств я даже запамятовала сказать, что получила повышение. А когда поднялась к себе в спальню, то с удивлением обнаружила соседку – самогонную установку, занявшую половину не самой просторной в доме комнаты.

ГЛАВА 3. Миссия невыполнима

На следующий день госпожа Паприкавикус, когда-то принявшая мою анкету для собеседования с Элроем, восседала за столом и выглядела удивительно здоровой для приболевшего накануне человека. В приемной у стены неожиданным образом появились стулья, а на подоконнике пара горшков с цветущими комнатными розами. В голову закралось подозрение, что вчерашнее отсутствие преданного секретаря было связано с нашествием невест. Возможно, она даже находилась в преступном сговоре с теткой ди Элрой и являлась вольной подсобницей.

– Доброе утро, госпожа Паприкака… кивус… викус… эм… – Я поняла, что пора заканчивать с перебором, так до мата недолго договориться и бодро объяснила: – Меня вчера назначили…

– Я знаю, кто вы, госпожа Амэт! – отрезала *мадам Паприка* таким тоном, что окажись я попроще, то свалилась бы в обморок, но у меня за спиной имелся Институт благородных девиц и наставница Ру, то есть было о чем вспомнить и вздрогнуть. – Вы опоздали!

Одновременно мы посмотрели на настенный хронометр. До начала рабочего дня оставалось пятнадцать минут. На месте секретаря, я бы посчитала за честь сидеть в той же луже, где плескались и руководитель отдела продаж, и хозяин конторы, но она недовольно поджала коралловые губы.

– Господин ди Элрой уехал до конца недели на инспекцию верфи в Ватерхолле, – объявила помощница.

– А что мне делать? – растерялась я, мысленно костеря дракона Элроя последними словами за то, что вчера даже не намекнул об отъезде. – Возвращаться обратно в общий кабинет?

– Он оставил для вас задания, – фыркнула секретарь и передвинула в мою сторону конверт.

Когда я его открыла, то едва не выронила узкий листик со списком, и тот развернулся длинной бумажной змеей до самого пола. От изумления у меня чуть очки с носа не соскочили.

– Это все мне? – ошарашенно уточнила я. – До конца года?

– До конца рабочего дня. Документы лежат у вас на рабочем столе, – объявила госпожа Паприка и кивнула на открытую дверь в драконье логово.

Личный кабинет, вопреки дурным предчувствиям, оказался мечтой конторского клерка: небольшая комната с окном, выходящим на проспект, и удобной мебелью. Даже собственная вешалка для одежды имелась, а на столе лежал дорогой письменный набор с серебряными перьями.

Устроившись на новом месте, я со вздохом принялась изучать список. Почти уверена, что Элрой потратил на него всю ночь, ведь за короткое утро ни один нормальный человек не в состоянии исписать столько бумаги. Конечно, не стоит думать, будто кто-то причисляет дракона к нормальным, но ведь не умеет он писать одновременно двумя руками?

На сорок пятом пункте ко мне пришло озарение. Таннер ди Элрой был не драконом, а злой мачехой! В любовном романе вздорная баба отпустила бедняжку Золушку на бал, но прежде приказала устроить генеральную уборку, перекопать огород и в конце осени за каким-то лядом посадить цветущие розовые кусты (видимо, тут имело место литературное допущение для драматизма). Но мне было гораздо хуже! До конца рабочего дня справиться со всем перечнем не сумел бы даже тандем Золушки и крестной феи!

К слову, фея у меня действительно имелась, только к конторе я бы не подпустила ее на расстояние арбалетного выстрела. В лучшей подруге Фэйр текла магическая кровь, но к тринадцатому поколению колдовского дара уже не осталось, только внешние признаки: вертикальные зрачки, кудрявые фиолетовые волосы и верхние острые клыки. Она утверждала, что в семье через поколение еще и стрекозьи крылья вылезали. Подруге, правда, повезло, а ее кузина

всю жизнь мучилась. Мало того что выглядели крылья отвратительно, удалить их было невозможно, подобрать одежду почти нереально, только шить на заказ, да еще в мороз из дома не выйдешь – проклятый рудимент стекленел и начинал ужасно ломить.

Неделя прошла, как в тумане. По ночам мне снились бесконечные договоры, жалобные письма и еще кое-что по мелочи с участием дракона Элроя. Один раз он пытался меня уволить, а другой соблазнить. Не уверена, какой из кошмаров оказался страшнее. К пятнице я точно знала, кто в названии «Драконы Элроя» был главным, злобным и кровожадным драконом – мадам Паприкавикус (да-да, ее фамилию я научилась произносить без запинки уже к вечеру вторника и без прикрас чувствовала себя дрессированной макакой). И я поняла еще кое-что! При всем своем многогранном сволочизме Элрой не сумел сожрать леди средних лет только потому, что из них двоих – она оказалась сильнейшим хищником! Ему просто пришлось с ней сработаться!

Каждый день меня ожидал новый список, и в душу закрадывалось подозрение, что Элрой с Паприкой сговорились вынудить стажера исполнить накопленные года за три дела. Если вдруг я скопычусь от переутомления, они оплатят мраморную гробовую доску с надписью «Твой подвиг не забыт» и найдут новую жертву из числа конторских неудачников. Но утром в пятницу, когда я вошла в приемную и приготовилась к очередному списку, по длине похожему на рулон гигиенической бумаги, мадам Паприка заявила:

– Сегодня у вас немного дел, госпожа Амэт.

– Серьезно? – прямо сказать, опешила я.

– Нужно забрать Ральфа из ветеринарной клиники домой, а заодно пиджак для завтрашнего благотворительного вечера у королевского портного.

– И посадить в саду тридцать три розовых куста, – пробормотала я себе под нос.

– Простите? – грозно изогнула брови секретарь.

– Да так, – невинно улыбнулась я, – в голову пришло.

– В контору не возвращайтесь, как привезете все к господину ди Элрою, можете располагать своим временем.

Проклятье, какая невероятная щедрость! Насколько я понимала, особняк находился в пригороде, и добираться до дома мне предстояло часа четыре по бесконечным столичным заторам. Как раз к ночи поднимусь на родную террасу.

Мне вручили десять шиллингов на возницу, адреса и записки для ветеринара и портного. В них мадам Паприка уверяла, что я не какая-то там приблудная девица, а личный стажер ди Элроя, так что пиджак за тысячу шиллингов не запоганю и ручного дракона нигде не потеряю…

Если не хочу лишиться работы.

Клянусь, я сама думала точно так же, когда усаживалась в кеб и выдвигалась в сторону ателье!

Королевская портняжная мастерская ослепляла своей роскошью, и когда меня ввели в примерочную комнату, где среди зеркал стоял безголовый манекен, одетый в белый пиджак с двумя рядами черных пуговиц и с фигурными заплатками на локтях, то я даже несколько опешила. Шкаф для единственной вещи, определенно, был по размеру больше моей спальни. С другой стороны, подозреваю, что за меня никто не даст тысячу шиллингов, как бы еще приплатить не пришлось.

Королевского портного белошвейки называли Маэстро, и он лично вышел, чтобы отдать пиджак.

– Посмотрите, – кружился он возле манекена, – какие удивительной красоты швы. Пуговицы, между прочим, сделаны из натурального черного янтаря. Подбирали камушек к камушку, шлифовали…

У портного были длинные пальцы, унизанные перстнями, и очень узкие ладони. Руки выглядели некрасивыми, но я завороженно следила, как он складывал эти самые некрасивые руки, изображая процесс шлифования.

– А этот фасон, – продолжал петь соловьем Маэстро, словно пиджак еще не оплатили, и он боялся остаться без денежек, – последний писк моды!

Не знаю, отчего надо было пищать, на барахолке такое же уродство еще в прошлом году продавалось. Мы отцу покупали, когда Арона пыталась третий раз выйти замуж. Когда обряд расстроился, то матушка вознамерилась парадную одежду вернуть, но торговец отказался принимать, углядев на рукаве пятно. Летиция взбесилась и перетоптала товар, а потом пришлось ее вытаскивать из Башни и платить торговцу… В общем, некрасивая история вышла. И затратная.

Тут я поняла, что задумалась, а Маэстро уже допел и теперь выжидательно заглядывал мне в лицо, словно предвкушал, когда его, как дракончика, потреплют по холке.

– Восхитительно! – тут же нашлась я.

– Благодарю, – согласился он с тем, что является гениальным портным.

Мне вручили зачехленное «произведение швейного искусства» и даже проводили до дверей. Я еще подумала, что за сентиментальные прощания со шмоткой? Видимо, уже тогда Маэстро предчувствовал…

Ветеринарная здравница оказалась попроще, тихой и пахнущей сухим драконьим кормом. Я почувствовала облегчение, когда нашла за входными дверьми обычные деревянные скамьи и издерганную сестру милосердия, смотревшую на зубастых, хвостатых и визгливых пациентов с плохо скрываемым раздражением. А на их хозяев – с натуральной ненавистью.

– Я за драконом господина ди Элроя, – протянула рекомендательное письмо от мадам Паприки, и меня немедленно проводили в смотровую комнату.

Пиджак, выглядевший на десять шиллингов, на тысячу – весил. Руки отваливались от тяжести, и я пристроила чехол на вешалку с халатами. Тут в комнату вошел молодой улыбчивый ветеринар с драконом в руках.

Глядя на мелкого красного ящера, недобро щурившего желтые глаза, становилось ясно, что Таннеру ди Элрою просто не пришла бы в голову светлая мысль завести какую-нибудь мягкую, толстенькую Поппи, впадающую в летаргический сон от переедания. Ральф был жилистым, крылатым хищником с длинным хвостом и агрессивно-хитрой мордой. Одним из тех, кого корми не корми сырым мясом, а инстинкт охотника все равно просыпался, притом в самый неподходящий момент. В общем, портрет самого Элроя.

– А вот и мы, – растянул губы в белозубой улыбке ветеринар. – Ральф чувствует себя чудесно. Пищеварение полностью восстановилось, и он больше не отрыгивает пламенем. Держите.

Лекарь жестом фокусника втюхал мне тварь, неожиданно горячую и довольно тяжеленькую, как матушкин кот Франки.

– Нет, подождите! А переноска? – попыталась я вернуть дракона обратно, но он ловко обхватил мою руку четырьмя лапами, вцепившись, как мелкая обезьянка в ветку.

– Не садится, – счастливо улыбался ветеринар.

– Но в чем-то его сюда доставили, – возмутилась я, пытаясь красную недомакаку стряхнуть с руки. Куда там! Он еще и хвостом для надежности обвил запястье. – Не под мышку же его засовывать!

Оба, в смысле, и Ральф, и лекарь со странной надеждой покосилась в сторону моего ридикюля.

– Нет! – категорично отказалась я, понимая направление ветеринарной мысли.

– Кажется, его привезли в корзинке, – наконец, осознав, что спихнуть дракона без вместилища этого самого дракона не получится, припомнил лекарь.

И крылато-хвостатый супостат напрочь отказался залезать в корзину! Расставил ноги, вцепился зубами в плетеную ручку и застрял.

– Забирайся по-хорошему, – прошипела я, упарившись бороться с нахальным ящером.

Неожиданно с перепончатых крыльев упала перевязь.

– Даже не смей! – ткнула я в хищную морду пальцем, позабыв, что этот самый палец клыкастая морда может откусить. Куда там! Ральф взмыл к потолку. Зависнув в воздухе, он бил крыльями, потоком встревоженного воздуха заставляя магический светильник раскачиваться, как маятник, и недобро таращился на нас желтыми глазищами.

– А я говорил господину ди Элрою, что надо крылья подрезать! – задрав голову, цыкнул ветеринар. – А он – рожденный летать, пусть летает…

Словно поняв человеческую речь, дракон открыл пасть, отклонился назад и выплюнул в нас огненный сгусток, даже непохожий на поток. Я точно знаю, что зверь метился в болтливого лекаря, но тот успел спрятаться за моей хрупкой спиной. Брызги раскаленной слюны попали на юбку. Шерстяная ткань моментально пошла проплешинами с тлеющими кромками.

– Вы горите! – взвизгнул ветеринар.

– Я горю! – в панике заорала я, пытаясь стряхнуть искры. – Вы утверждали, что он больше не плюется пламенем.

– Это вовсе не пламя!

– Но горю-то я по-настоящему! Помогите мне.

И лекарь трусливо сбежал в коридор. От изумления я даже на секундочку перестала паниковать, только увидела, как стремительно захлопнулась дверь. Придя в себя, попыталась справиться с крючками на юбке, но трясущиеся руки никак не ладили с застежкой, а на полотне уже появлялись сквозные прорехи, и кожу обжигало.

– Ненавижу драконов! – рычала, едва не плача. – Ненавижу Элроя! Ненавижу…

Наконец, застежка поддалась. Я схватилась за пояс, чтобы тлеющую тряпку с себя стряхнуть, но неожиданно дверь открылась от мощного толчка, и на пороге возник ветеринар с ведром в руках. Без слов, предупреждений или громких лозунгов он выплеснул на меня поток грязной до темноты воды. Я инстинктивно прикрыла лицо ладонями, и юбка мгновенно упала к ногам. В грудь прилетела половая тряпка из ведра и со шлепком хлюпнулась в лужу, мгновенно натекшую под туфлями.

В смотровой комнате воцарилась принужденная тишина. Я опустила руки и недобро зыркнула на недоделанного пожарника с опустевшим ведром. Раскрыв рот, он разглядывал меня, вернее, нижнюю половину меня в полупрозрачных чулках с поясом, только отчасти прикрытую вымокшей полосатой блузкой.

– Вы что это делаете? – с вкрадчивой угрозой уточнила я.

– Я вас… потушил! – нашелся он, ткнув пальцем в сторону моих ног.

– Это ясно, но вы чего… вы на меня прямо сейчас глазеете?

– Как можно? – не отводя взгляда, махнул ведром ветеринар.

– Вон!!

– Извините, – покраснел тот и резво повернулся спиной ко мне. – Возьмите халатик… на вешалке.

– И дверь закройте, пока наша птица не вырвалась на волю.

Но «птица», очевидно, догадавшись, что любой красноперый попугай, который попытается сделать хотя бы одно неудачное движение, окажется погруженным в летаргический сон на пятьдесят лет, забился на шкаф.

Лекарь не вышел, а выскочил, едва не потеряв туфли. Я брезгливо расставила руки и втянула живот, чтобы мокрая ткань не припечатывалась к коже. В позе огородного чучела повернулась к вешалке и остолбенела. На пиджачном чехле темнела влажная клякса! Наплевав на дракона, голый зад, испорченную одежду и вообще на весь мир, я бросилась к пиджаку.

Непослушными от страха пальцами с трудом распутала шнуровку, раскрыла чехол и испуганно взвизгнула. Как раз посередке, где сходились две половинки пиджака, красовалось пятно с грязными кромками!

– Он на вас напал?! – вломился в комнату ветеринар.

– Это я сейчас на вас нападу, пиджачный убийца! – рявкнула я. – Вон!

– Извините, – испуганно спрятался в коридоре источник моих неприятностей.

От паники мне даже жарко стало! Перед мысленным взором появилось недовольное лицо Паприки. Кто поверит в ересь о ведре с водой и сгоревшей юбке? И тут я вспомнила, что дядька Фэйр держал мастерскую по алхимической чистке ковров. Чем пиджак за тысячу шиллингов хуже какого-то половика?

Шустро скинула влажные тряпки, нарядилась в широкий не по размеру лекарский халат и рявкнула в сторону дракона:

– Быстро сел в корзину!

Ральф зашипел со шкафа.

– Да ты смерти моей хочешь, – процедила я, уперев руки в бока.

Стоило признать, что ящер, обладавший поистине бараньим упрямством, меня победил. Не зря лопал каре ягненка! Я все-таки раскрыла ридикюль и продемонстрировала дракону:

– Забирайся, демон!

Кто со стороны посмотрит, что разговариваю со зверем, точно решит, будто совсем девица сбрендила. Однако Ральф спикировал к столу и забрался в дамскую сумку, благопристойно сложив крылья. И как втиснулся между книжкой и кучей мелочей?

– Только попробуй там нагадить, сухой корм заставлю есть! – пригрозила я хулигану. – О «Вкусе говядины» слышал? Накормлю до летаргического сна. И в горошек покрашу!

– У вас все в порядке? – осторожно постучал в дверь ветеринар. – О, вы его сумели в сумочку усадить? Какая вы молодец. Как вам халатик идет…

В ответном взгляде на несвоевременную лесть крылось столько ненависти, что подхалим прикусил язык. Он даже низко поклонился, когда злая, точно ядовитая драконица, с Ральфом под мышкой и испорченным пиджаком в правой руке, я рванула на выход.

– Госпожа, можете не говорить господину Элрою, что тут такое случилось? – бормотал коновал, пытаясь не отстать от меня в коридоре. – А вы халатик себе оставьте…

– То есть, – резко остановилась, – подразумевалось, что я халатик еще и вернуть должна? Может, лично привезти?

– Нет, что вы. Как можно? – замахал руками ветеринар. – Только что мне с вашими вещами делать?

– Сожгите и развейте пеплом над морем!

– Но у нас здесь нет моря, – растерянно заметил он мне в спину.

– Тогда съешьте! – припечатала я, вываливаясь на улицу.

Фэйр держала маленький салон красоты «Феерическое преображение» в Зачарованном квартале, где тесной общиной жил некогда лесной народ. Клиентки, кто не пугался вертикальных зрачков, фиолетовых волос и живого рисунка цветущей ветви на руке, подругу любили. Толика сохранившейся от предков магической крови делала ее непревзойденным мастером. Прически, сооруженные потомком фей, всегда держали укладку, шевелюры переставали редеть, а алхимические краски не тускнели со временем. Последнее было проверено на собственном горьком опыте.

Проблема заключалась в том, что иногда Фейр впадала в творческий экстаз, и вместо блестящей русой копны клиентка неожиданно получала зеленую шевелюру с красными «перышками». Я до сих пор вздрагивала, когда вспоминала «феерическое преображение» три года назад перед свиданием со вторым мужчиной всей моей жизни. Вернее, так и не ставшим вто-

рым – с разноцветной гривой на свидание пришла бы лишь отчаянная оптимистка или идиотка. А я не считала себя ни той, ни другой.

Когда, придерживая дверь ногой, с драконом в ридикюле и испорченным пиджаком на плече, я втиснулась в зал, пахнущий сахарным лаком для волос, то подруга с ножницами в руках превращала седые волосы пожилой дамы в переспевший одуванчик. Мы встретились глазами в большом зеркале, и от удивления вертикальные зрачки Фэйр покруглели.

– Это карнавальный костюм? – вытаращились они вместе с клиенткой.

– Нет, – покачала я головой.

– Тогда что ты делаешь здесь в разгар рабочего дня в форме похотливой сестры милосердия и с драконом в сумочке? Древесный бес! Ты купила себе дракона?

– Это Ральф.

– Тот самый? – изогнула бровь подруга.

– Именно, – кивнула я. – И мне нужен адрес алхимической чистки твоего дядьки.

– Ясно… – судя по выражению лица, Фэйр было неясно ничего, но она планировала разобраться и прикрикнула: – Лолли, замени меня!

Из подсобки бочком, пригнув голову, вывалился громила, обычно у престарелых дам вызывавший оторопь. Он был отличным парнем и прекрасным цирюльником, но с женскими стрижками справлялся слабенько. Только кто посмеет отказать двухсотфунтовому атлету? Я даже пыталась свести его с Эзрой, но сестре не понравилось имя, а матушке татуировка на мощной шее потенциального зятя и руки, как у мясника.

– Вы ведь не против? – сверкнув заостренными клыками, Фэйр улыбнулась клиентке через зеркало. Та перевела испуганный взгляд с феи на амбала и поспешно помотала одуванчиковой головой, вероятно, убоявшись, что если откажется, то ей вместе с волосами состригут уши.

– Обещаю, я буду нежным, – мягко прогудел Лолли, и от трубного рычащего баса даже Ральф съежился в ридикюле, а дама затряслась и побледнела, словно собралась отдать душу Святым угодникам. Подозреваю, что мысленно она начала возносить заупокойную молитву.

Дядькина алхимическая чистка располагалась на соседней улице, на первом этаже двухэтажного дома с большими прямоугольными окнами. Вообще, лесной народ, как начал перебираться город, обнаружил, что с окнами жить куда веселее, и многие строения таращились огромными глазницами, словно вечно находились в страшном изумлении.

Втроем мы склонились над пиджаком от королевского портного и с болью разглядывали пожелтевшее отвратительное пятно с темной засохшей кромкой. Вернее, разглядывала я, едва не плача, а дядька с племянницей оглаживали пуговицы из натурального шлифованного янтаря.

– Сколько, говоришь, это уродство стоит? – уточнила подруга.

– Тысячу шиллингов, – промычала я.

– Мне кажется, он купил его на блошином рынке и просто пуговицы дорогие пришил, – объявила Фэйр, в точности озвучив мои мысли.

– Духи божественного леса, в моей алхимической мастерской лежит пиджак за тысячу шиллингов! – с благоговением прошептал дядька. Откровенно сказать, в нем не сохранилось ни капли магической крови, внешность была человеческая, зато дети вышли на славу. Особенно дочь со стрекозьими крыльями.

– Вы уж с ним поосторожнее, – жалобно попросила я.

– Доверься мне, девочка! – уверил он. – Мы еще и не такие коврики чистили.

Мы ждали час. Ральф, сжевавший три шоколадные конфеты из вазончика на столе, сладко задремал у меня на коленях. Фэйр читала модный альманах двухлетней давности, а я нервно догрызала лак на ногтях. Наконец дядька вернулся в комнату ожиданий. Вид у мастера был задумчивый, даже несколько печальный, и внутри царапнуло дурное предчувствие. При-

жав к себе дракона, я выпрямилась на вытертом до проплешин диванчике и осторожно уточнила:

– Что?

– Все, – тихо отозвался дядька со столь трагичным видом, что не оставалось сомнений – личному помощнику дракона Элроя лучше прямо сейчас утопиться, иначе до конца года придется работать бесплатно, если, конечно, меня не вытурят.

Влажный, пахнущий алхимическими составами пиджак висел на манекене, и на месте желтоватого пятна зияла дыра, точно обрисованная по кромке.

– Чем вы его протерли?

Вопрос был риторическим, узнавать подробности, как криворукий мастер уничтожал дорогущую вещь, а заодно мою провальную карьеру, совершенно не хотелось, но он зачастил:

– Алхимической растворяющей настойкой чуточку протер, но ткань оказалась такая нежная…

– Не продолжайте, – загробным голосом перебила я.

– Зато я не возьму с вас денег, – вдруг заявил мастер, и заслужил такой ошарашенный взгляд, что немедленно замахал руками: – Не то чтобы я собирался брать стоимость алхимических настоек… Ну, вы тут прощайтесь, а я пойду, ковер дочищу.

– Не расстраивайся, – попыталась успокоить меня Фэйр, осторожно погладив по плечу. – Он все равно был ужасным, как будто с барахолки…

– Да нет, какое уж тут расстройство? У твоего дядьки найдется лист бумаги, я напишу завещание… Постой, – резко передумав накладывать на себя руки, вымолвила я, – что ты сказала про барахолку?

Родственники Фэйр жили над алхимчисткой, так что мне даже подобрали платье от кузины, широковатое во всех местах, кроме плеч. От халата все равно избавиться не удалось, надела, чтобы скрыть прорези для крыльев на спине. Засунув сонного Ральфа в ридикюль и прихватив испорченный пиджак, мы с подругой бросились на рынок. Он находился в получасе езды от Зачарованного квартала, и нам пришлось взять извозчика.

На барахолке, где за пятак можно было купить три пары сапог (правда, никто не гарантировал, что у них за седмицу не оторвутся подошвы), даже в будний день толкался народ. Мы проверили несколько прилавков, торговавших мужскими костюмами. Демонстрировали произведение Маэстро, требуя похожей модели, но везде разводили руками, а один торговец, не сумевший втюхать нам бархатный алый камзол, обиженно просопел:

– Да таким старьем у нас никто не торгует! Мы такие фасоны, знаете ли, два года назад привозили! Вы бы еще из дедушкиного сундука достали.

Когда я отчаялась и попрощалась с работой, то увидела нужную вещь. Пиджак висел на плечиках, стиснутый со всех сторон разноцветными тряпками, и выглядел в точности, как работа королевского портного. Даже овальные нашивки на локтях ничем не отличались.

– Богато, – вздохнула Фэйр.

Мы вертели два пиджака и так и этак. Примеряли, сравнивали рукава, и по всему походили они, как близнецы, а перешей пуговицы да бирки – сам Маэстро разницы не найдет.

– Сколько? – чувствуя себя, словно только что сняла с шеи удавку, любезно уточнила я.

– За семь забирай, – махнул рукой торговец.

– Чего так дорого? – изогнула бровь Фэйр.

– Дорого? – в один голос изумленно повторили мы с лавочником. Ему-то по положению полагалось, а я собиралась выдать дешевую тряпку за авторский наряд, и цена подороже чуточку заглушала голос совести.

– Четыре! – принялась сбивать цену она.

– Пять с полтиной, и забирайте, пиявки, – буркнул торговец. Вне себя от счастья я полезла в ридикюль за деньгами, и тут почувствовала, как столбенею. В сумке явно кое-чего, вернее, кое-кого не хватало…

– А где Ральф?! – охнула я, холодея внутри. – Матерь Божья, дракон исчез!

– Куда? – вытянулось лицо у Фэйр.

– Ты меня спрашиваешь?!

– А вы уже пришли без дракона, – удивленно почесал затылок торговец.

– Вообще, без дракона? – в панике выпалила я, понимая, что глупее вопрос не придумаешь. Вместо того чтобы вспоминать, когда ридикюль полегчал, надо было зубастого монстра искать! И, желательно, быстрее, пока его не нашел кто-нибудь другой. В одну секунду передо мной промелькнула вся жизнь и адреса приютов для бродячих животных, где изредка добрых хозяев дожидались ручные драконы.

– Он у блестяшек! – вдруг сверкнула идеей подруга. – Драконы всегда тянутся к блестяшкам.

– К блесткам, что ли? – лихорадочно пытаясь сообразить, в каком ряду продавались платья, расшитые стеклянными камушками, уточнила я.

– Я про побрякушки, – цыкнула подруга. – У кузины дракон вечно ворует украшения и прячет на шкафу…

– Где продаются украшения? – едва не вцепилась в торговца.

– В соседнем ряду, – оторопел он от того, как быстро приличная девушка умела превращаться в полоумный комок нервов.

Оставив подругу расплачиваться и складывать пиджаки, я бросилась в соседний ряд и обнаружила, что возле одной из палаток толпился народ. Люди потешались, а над их головами лился отборный мат. Растолкав зевак локтями, я протиснулась в первый ряд и тут же пожелала затеряться обратно за спинами. Меня нагнала дурная карма в лице капитана, кого я лично всего неделю назад триумфально выставила из трактира, и тем самым лишила премии за борьбу с подпольным виноделием.

Вместе со своим помощником он пытался запихнуть упиравшегося Ральфа в клетку. Дракон пускал из ноздрей струйки пара, цеплялся когтистыми лапами. В перевязанной пасти болталась золотистая цепочка с красной подвеской. Вероятно, спеленать воришку стражам удалось только потому, что он не захотел разжать клыков и выпустить добычу. Возле служителей порядка причитал полнотелый торговец, справедливо полагавший, что если крылатого вора заберут вместе с украшением, то о драгоценности будет проще забыть.

– Господин капитан! – позвала я, мысленно осенив себя божественным знаменьем. – Что здесь происходит?

Все дружно оглянулись в мою сторону и вытаращились на халат с эмблемой ветеринарной лечебницы на кармашке.

– Госпожа судебный заступник? – уточнил капитан. – Это ваш дракон?

– Нет, что вы, – немедленно открестилась я от любой связи с вороватой крылатой тварью. – Я по пятницам подрабатываю заступником прав животных…

Ральф выдал нас с головой. Заприметив знакомое двуногое существо, ящер с такой яростью начал вырываться из рук молоденького стража, что тот выпустил его от греха подальше. Прокатившись комком по неровной брусчатке, дракон заполз мне за ноги, схватился за лодыжку, продав острыми когтями тонкий чулок, и раздраженно шлепнул хвостом по камням. Мол, скушали? Шанс отговориться все еще был, но сквозь толпу пробралась Фэйр, нагруженная пиджаками.

– Тесса, ты нашла Ральфа! – обрадовалась она.

Судя по тому, в какой довольной, по-крокодильи широкой улыбке расплылся капитан, наша судьба была предрешена.

– А кто мне украшение вернет?! – тут же визгливо выпалил торговец. – И оплатит моральный ущерб?!

– Обсудим в участке? – многозначительно кивнул страж.

Мне пришлось заплатить сто сорок шиллингов денежного взыскания за дракона, летавшего по городу без намордника и пугавшего мирных горожан. Еще двадцатка ушла торговцу за перегрызенное пополам украшение. В итоге за один день я потратила почти половину еще незаработанного жалованья. В воспитательных целях вытаскивать Ральфа из клетки не стала, пусть поймет, неразумное создание, каково это – попасть в застенок. С трудом дотащила до салона красоты, чуть не сорвав спину, а там трясущимися руками еще час перешивала пуговицы и бирки на пиджаках. До дома шефа я добралась только в сумерках.

Вместо огромного особняка с белыми колоннами и ухоженным садом, от каких за три мили несло старыми деньгами, связями и высшим светом, Таннер ди Элрой проживал на верхнем этаже в собственном доходном доме. Я решила, что если дотащу груз до апартаментов, то точно лягу без сознания на одном из лестничных пролетов, и вручила плененного дракона с пиджаком привратнику. От всей души поблагодарив доброго старичка, с чувством выполненного долга отбыла домой. Даже не верилось, что приключения благополучно закончились! Ха-ха три раза!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.